

ДАГЕСТАН

вдохновение длиною в жизнь

№ 5 (164) сентябрь — октябрь 2020

стр. 9

Без руля и без ветрил
Гуниб: имам, император и водопад
Страницы летописи
Кавказская война и зарубежный мир
Оживляя Амузги

Чистота души и благородство духа

ЖС

Журнал «Дагестан» изменился, и мы выходим в новом формате с девизом «Вдохновение длиною в жизнь».

Изменился ли сам Дагестан? Местами изменения есть, только вот не можем сказать, происходят они благодаря властям или вопреки. Но есть, есть проблески общественного сознания и достойные уважения примеры.

В сентябре в Дагестане прошли выборы в муниципалитетах, в районах и городах, в сельских поселениях республики. Давайте разберёмся, что это такое. На

мой субъективный взгляд, у многих сограждан — это желание пробиться к бюджетной кормушке. Тут нет ни мировоззренческих, ни политических, ни общественных интересов, кроме тупого желания быть у власти и «выбить» оттуда то, что потратили, и ещё сверху. Это я говорю на народном языке. Но и в этой толкотне вокруг бюджетного корыта есть одно исключение и прецедент, который никак нельзя не подметить и не поставить в пример многим другим.

У истоков Аварского Койсу в обществе Джурмут есть древний аул Камилух. Когда весь Нагорный Дагестан боролся за каждый мандат, в Камилухе не нашлось желающих занимать ни должности главы сельсовета, ни депутатов в районное собрание. В последний день, уже перед самым окончанием регистрации, уходящий глава села возложил свои обязанности на заместителя. А в депутаты районного собрания Тляратинского района с трудом уговорили пойти двоих, чтобы только дали согласие записать их имена в бюллетенях.

Не правда ли, это странно в наше время? У камилухцев ещё при Советах было пренебрежение к партии, разного рода уполномоченным, которые шли к ним с агитационной пропагандой. У них всегда в почёте был и есть сегодня человек, который имеет собственное хозяйство и независимый взгляд на жизнь. Они — овцеводы; в этом году камилухский сыр занял первое место на международном ярмарке, где были представлены более 700 видов сыров. И это единственный бренд Дагестана, который на ура идёт за пределами республики. Не коньяк — его создали впервые французы, не чёрная икра — её дала природа, море, а Камилухский овечий сыр — его придумали наши земляки, его сегодня знают и ценят за пределами Дагестана. Люди, которые готовят сыр отменного качества, равнодушны к политическим играм и не стремятся к бюджетной кормушке. Разве это не достойно уважения?!

Одним словом, прошедшие выборы выявили не только депутатов и руководителей районов и городов, но и настоящих людей. Они есть, и живут они у истоков Аварского Койсу. Да сохранит чистоту души и благородство духа Дагестан так, как сохранили их общество Джурмут и аул Камилух.

Аминь.

Магомед Бисавалиев

P.S.

Владимир Васильев добровольно сложил с себя полномочия главы республики.

Временно исполняющим обязанности главы назначен Сергей Меликов.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 (164) сентябрь — октябрь 2020
Издаётся с августа 2002 года

16+

dagjournal.ru

4

Андрей Меламедов

Без руля и без ветрил

9

Наида Хаспулатова

Гуниб: имам, император
и водопад

16

Наида Хаспулатова

Вот это стул,
на нём сидят

22

Хаджи Мурад Доного

Страницы летописи

28

**Н.В. Мелик-Саркисова,
С.С. Симонов**

Кавказская война и
зарубежный мир

36

Андрей Меламедов

Оживляя Амузги

Памятник
хирургу
Н.И. Пирогову
(1810—1881)
в Салта

Сцена из поэтической композиции «Взорванный ад» по поэме Фазу Алиевой «Красные жаворонки»

ДАГЕСТАН

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
информатизации,
связи и массовых
коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ
И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала,
ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж
(Союз писателей Дагестана)
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (отделы)
e-mail: dagjurg@mail.ru

Журнал зарегистрирован
Южным окружным
межрегиональным
территориальным
управлением Министерства
РФ по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых
коммуникаций —
свидетельство
ПИ № 104793
от 23 июля 2002 года.
Перерегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций —
свидетельство
ПИ № ФС 7736557 от 05 июня
2009 года. Перерегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Республике
Дагестан. Регистрационный
номер ПИ № ТУ0500418
от 22 апреля 2019 года.

ОГРН 1120572002066

Номер сверстан
на компьютерной базе
журнала «Дагестан».
Отпечатан в типографии
ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии:
367000, РД,
г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель:
ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД
«Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ Респ. Дагестан
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Подписной индекс:
на год — 63280,
на полугодие — 78434.
Периодичность —
раз в два месяца
Цена номера в киосках
«Дагпечати» — 50 руб.,
у распространителей —
свободная.

Усл. п. л. — 8,5.
Тираж — 1200 экз.
Номер заказа —
Дата выхода —

40

Анна Гаджиева

Интервью
с Мадриной Расуловой

46

Зульфия Гаджиева

Культурный портрет.
Алибег Казанбиев

51

Влада Бесараб

Воспевшие Победу

54

Константин Гусев

Коммунальный роман

60

Алигаджи Магомедов

Лирика

62

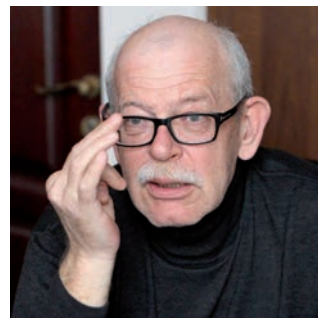
Магомед Магомедов

Явные мысли
о «Тайной тетради»

ЭКОНОМИКА

Любые
экспертные
оценки — не
более чем
догадки,
основывающиеся
на крупицах
фактов.

Андрей Меламедов

Без руля и без ветрил

Примерно раз в месяц (иногда чаще, иногда реже) мне звонят коллеги из федеральных или зарубежных изданий с просьбой прокомментировать очередную экономическую новость или помочь разобраться в хитросплетениях дагестанской экономики. Впоследствии, читая публикации на основе моих комментариев, я ощущаю себя самозванцем, поскольку меня достаточно часто представляют «известным дагестанским экспертом».

Эксперт, на мой взгляд, — это человек, который детально разбирается в своём предмете и легко (если говорить об экономике) может отследить логику и перспективы развития той или иной отрасли. Ничего этого я определённо не могу, хотя и пишу об экономических проблемах

Дагестана не один десяток лет. Дело в том, что в республике на государственном уровне напрочь отсутствует сколь-нибудь внятное понимание того, в каком направлении должна развиваться дагестанская экономика.

Н аши власти особенно заморачиваются тем, чего мы в принципе хотим достичь и что необходимо сделать для того, чтобы озвученные планы стали реальностью.

На этом фоне любые экспертные оценки — не более чем догадки, основывающиеся на крупицах фактов, чудом выуженных из огромного массива «шумовой» информации, который приходится анализировать ежедневно.

Простой пример. Несколько лет назад практически все российские СМИ регулярно писали о том, что в районе Каспия будет построен с нуля новый глубоководный торговый порт. Проекту этому дал отмашку сам Путин, и поэтому никто не сомневался в том, что в ближайшие годы он воплотится в жизнь.

Но время шло, и никаких работ на выбранном и утверждённом участке не происходило. При этом никто из руководства республики ситуацию с новым портом не комментировал. И в отсутствие информации дагестанцы ломали головы, пытаясь понять: отказались ли российские власти от этого проекта в принципе или

отложили его до лучших времён. Разброс «экспертных мнений» при этом был весьма показателен. От «начнут строить буквально завтра» до «скорее всего, нового порта не будет».

В прошлом номере журнала «Дагестан» я в числе других написал и об этом проекте, предположив при этом, что на нём окончательно поставили крест. Предположение это основывалось на том, что на совещании, которое проводил главный куратор республики первый замминистра экономического развития РФ Михаил Бабич, в ходе разговора о главных логистических объектах республики о новом порте не упомянули ни разу. Зато долго и предметно рассуждали о расширении и модернизации старого порта — Махачкалинского МТП. В ближайшей перспективе сюда планируется вложить несколько миллиардов рублей (достаточно сказать о планах увеличения площади ММТП ещё на 5 га с проведением серьёзных и весьма затратных дноуглубительных работ). Очевидно, что нынешний хозяин порта — Рочечморфлот, вряд ли стал бы вкладывать столь серьёзные средства в старый порт, если бы проект нового был по-преж-

нему актуален. Вот, собственно, и вся база для формирования «экспертной оценки», типичный пример аналитики на фоне затянувшегося молчания властей.

При отсутствии государственного подхода к проблемам развития экономики реализация по-настоящему успешных масштабных проектов практически невозможна.

За примерами далеко ходить не приходится, они под рукой. Буквально навскидку два. Первый в области промышленности — Каспийский завод листового стекла (КЗЛС), второй — по линии агропрома — «Дагагрокомплекс».

Если бы власти республики не просто дали отмашку Сулейману Керимову по поводу КЗЛС, а озаботились бы элементарными расчётами с привлечением экспертного сообщества, уже сегодня рядом с заводом работал бы мощный ГОК. Без него завод обречён на работу в убыточном секторе и пребывание в состоянии вечного банкротства.

Что касается «Дагагрокомплекса», последний погубили не только откаты. Даже если бы в проекте отсутствовала серьёзная коррупционная

составляющая, в условиях современного Дагестана претворить его в жизнь было бы нереально. Только потому, что в республике до сих пор отсутствует частная собственность на землю, и все решения в этой области принимаются на фоне указаний республиканских властей и масштабного противодействия муниципалитетов. Первоначально проект «Дагагрокомплекса» планировалось организовать на землях Ногайского района, затем, после протестов местных жителей он по указанию сверху перекочевал в Кизлярский и Тарумовский районы. И вскоре там были возбуждены уголовные дела по поводу нарушений при выделении земельных участков.

Немного о том, как работает грамотный государственный подход при реализации масштабных экономических проектов. Несколько лет назад на фоне резкого увеличения спроса на баранину Мира-

Никто в Дагестане, кроме учёных и экспертов, тревоги не бьёт и селекцией не занимается

торг начал создавать крупные овечьи фермы в различных регионах центральной России, инвестировав в этот проект десятки миллиардов рублей. И как только первые фермы начали выдавать продукцию, Россельхознадзор ввёл временный запрет на поставку баранины из ЮФО и республик СКФО, полностью запретив вывоз овечьего мяса в другие регионы. Тут можно было бы говорить о случайном совпадении, если бы не одна деталь. Мираторг предложил нашим овцеводам организацию «зелёной улицы» по вывозу баранины из республики. При двух условиях. Во-первых, дагестанская баранина должна поставляться на перерабатывающие предприятия Мираторга, во-вторых, плата за эту «услугу» составит 500 рублей с головы.

При этом экспансия Мираторга на рынке баранины происходит на фоне потери республикой лидирующих позиций в этой области. И Калмыкия, и Ставрополье активно теснят

нас за счёт грамотной организации селекционной работы. При этом никто в Дагестане (кроме учёных и экспертов) тревоги не бьёт и селекцией не занимается (отдельные опыты не в счёт). Самое парадоксальное — в республике отсутствует масштабная государственная программа в этом направлении, что изначально предопределяет тупиковое развитие отрасли, которая у нас считается приоритетной. И, опять же, ни о каких реальных шагах в этом направлении ни Минсельхоз, ни правительство РД в публичном пространстве не говорят.

В своё время я брал интервью у Владимира Васильева. Говоря о перспективах развития сельского хозяйства, он сообщил, что республика вскоре активно начнёт заниматься семеноводством и обязательно попытается организовать масштабное производство люцерны. Увы, слова эти так словами и остались и ни в какие программы не

трансформировались. Между тем только экспортный потенциал люцерны оценивается в миллион тонн, а с точки зрения окупаемости данному направлению вообще нет равных.

Если бы наши чиновники действительно думали о развитии республики и прислушивались к мнению учёных и экспертного сообщества, люцерну у нас начали бы активно возделывать ещё несколько лет назад. А, скажем, в виноградарстве сделали бы ставку не на технические сорта винограда (с этим производители алкоголя успешно справятся сами без помощи государства), а на столовые. Рынок столового винограда в России огромный. Страна ежегодно закупает около миллиона тонн столового винограда по цене \$1,15–1,5 за килограмм. И это ещё без учёта стран таможенного союза, в который входят бывшие среднеазиатские республики. Совокупный виноградный импорт в России оценивается сегодня примерно в \$8 млрд (всего в два раза меньше экспорта российской оборонки).

Увы, сегодня все решения по стратегии в области АПК принимаются в узком кругу избранных чиновников и ориентированы не на прорывы и работу на перспективу, а на

гранты, поддержку производителей алкоголя и т. д. В итоге приоритеты чиновников вступают в противоречие с приоритетами республики, что и предопределяет хаотичность и неопределённость наших экономических программ.

Раньше я частенько недоумевал, почему наши экономические ведомства не публикуют в бумажных и электронных СМИ стратегии развития отраслей, не говорят о своём видении развития экономики республики. Теперь понимаю, что чиновникам это совсем не интересно. Выбранные ими направления могут раскритиковать, есть риск нарваться на предметную дискуссию, участники которой смогут аргументированно доказать ошибочность некоторых решений и предложить вместо них другие, которые нашим чиновникам будут совсем не с руки.

Именно поэтому материалов о реальной экономике в открытом доступе практически нет, а вся аналитика основывается на крупницах сведений, похороненных под тоннами словесной шелухи.

Я очень долго пытался понять, что наши власти планируют сделать с заводом им. Гаджиева. Не преуспел. Завода как будто не существует. Такое впечатление, что если вскоре это

предприятие окончательно ляжет, никто из наших чиновников это даже не заметит. Как не замечают тихое умирание завода Авиаагрегат, происходящее на фоне непрекращающихся попыток рейдерского захвата предприятия.

Сегодня в республике, по сути, осталось всего два крупных завода — Дагдизель и КЭМЗ. Плюс немногие выжившие «легковесы» вроде «Азимута» и Кизлярского электроаппаратного. Похоже, руководителей Дагестана такая ситуация устраивает. Но зачем тогда держать на балансе штаты Минпрома? Для управления двумя заводами? Ах да, чуть не забыл о двух наших банкротах — КЗЛС и Мараби. Но один из них практически продан и вскоре получит прописку в другом регионе, а второй выставлен на торги и пока не ясно, где окажется.

На мой взгляд, всё происходящее свидетельствует о том, что понимания того, в каком направлении должна развиваться республика, у наших властей нет. И особо по этому поводу они не переживают. Отсюда — информационный голод в блоках экономических материалов, «партизанское молчание» профильных министерств и ведомств. И широкий простор для «экспертов» разного рода.

Приоритеты чиновников вступают в противоречие с приоритетами республики

Наида Хаспулатова

Гуниб: имам, император и водопад

Когда поднимаешься на Гунибское плато, поражаешься, насколько красочны пейзажи — ярко-зелёные горы, голубые реки, синее небо с белыми облаками, самобытные сёла. Всё как будто специально создано для художников и нас, любителей селфи. Поэтому Гунибский район стал одним из самых популярных туристических маршрутов. Конечно, ещё и потому, что в Гунибе проходили последние события Кавказской войны (больше половины мужчин этого района погибли, защищая Шамиля). Но гунибцы не стали жить только прошлым.

Нижний
Гуниб как
на ладони.
А над ним
Седло-гора

«Даже в имени Бяратинского есть беседка Шамиля, тем более она должна быть в Гунибе».

Беседка Шамиля и зеркало императора

Дорога до «Беседки Шамиля» оказалась крутой и со специально оборудованной смотровой площадкой на вершине плато. Есть подзорная труба, которой любой может воспользоваться за 10 рублей. Пейзаж потрясающий, с этой точки вся долина перед тобой как на ладони — горы, реки, сёла, «Гуниб подо мною...». Сама беседка Шамиля оказалась каменной ротондой.

«25 августа 1859 года на этом месте князь Бяратинский, командующий Отдельным Кавказским корпусом, ждал имама Шамиля. У Бяратинского была подагра, ему тяжело было стоять, и он сидел на камне. Шамиль вышел из Гуниба на плато к этому камню, здесь велись переговоры, они были короткими, потому что все условия, которые поставил Шамиль, князь обязался выполнить. Беседка для нас священна — говорят, что после переговоров имам несколько часов молился на этом камне. Эту дорогу по скале прорубили после Кавказской войны, современный Гуниб построили после Кавказской войны, Верхний Гуниб почти не сохранился. Тогда в Верхний Гуниб был только единственный узкий проход, здесь до сих пор сохранились вбитые в скалы штыри — кованые гвозди, по ним вскарабкались пластуны и сбросили канаты, верёвочные лестницы, по которым поднялись русские солдаты. Вы представляете: ночью они штурмовали Гуниб, где их совершенно не ожидали увидеть! Ядра у нас были во всех огородах, мы в пионерские годы выкапывали их и сдавали в металлолом. А сейчас я их регистрирую, это подлинные участники Кавказской войны», — рассказывает Патимат Алискандиева, директор Гунибского краеведческого музея.

«После посещения императором Александром II Гуниба в 1871 году на этом месте по высочайшему повелению построили каменную ротонду. В 1893 году её открыли и освятили, на освящении памятника присутствовал сын Александра II от княгини Долгоруковой Георгий. Причём беседкой Шамиля её назвал сам император, сказал: «Даже в имени Бяратинского есть беседка Шамиля, тем более она должна быть в Гунибе». Вот эти тарелки, супник — кузнецовская посуда. Видите на фотографии столы: на Царской поляне специально подготовили площадку, вырыли траншеи — стол-скамейка-стол-скамейка и садились прямо на землю. Это была обычная практика — земляные солдатские столовые, и до сих пор за 150 лет эти траншеи сохранились. Вот сзади холм, на

Ротонду, построенную после визита Александра II в Гуниб, «беседкой Шамиля» назвал сам император.

котором сидел император, с ним были наследники Александр и Владимир. Когда император остановился у ворот Верхнего Гуниба, он был потрясён и сказал: «Грандиозная картина». Спустился с Царской поляны с бокалом вина к солдатам и провозгласил тост за князя Бяратинского и окончание Кавказской войны. Всю мебель из Петербурга доставили во дворец в Гунибе, эти два зеркала и стол сохранились, ими пользовался император. Дворец называется «Дом Ольги Форш», она известная писательница, родилась в этом здании, её отец был окружной начальник генерал-майор Дмитрий Комаров. В 1909 праздновали в Гунибе 50-летие окончания Кавказской войны, устроили полную реконструкцию штурма Гуниба» — показывает экспонаты директор музея.

Журавли и поэты

В Гуниб мы попали в день рождения Расула Гамзатова. Именно в Гунибе в 1986 году был открыт первый памятник гамзатовским «Журавлям». Песня облетела весь мир и переведена на многие языки. Гунибский памятник включен в список объектов культурного наследия и стал прообразом многих других.

Владимир Крупин, известный писатель, дружил с Расулом Гамзатовым, но приехал в Дагестан впервые:

Меня ещё Расул приглашал, но я только сейчас сюда доехал, жалею, что раньше не был. Это потрясающе, настолько незаурядно, настолько непривычно, настолько красиво. Здесь, конечно, трудно жить, и поэтому характер у людей здесь крепче, подружнее народ, хотя я понимаю, что люди бывают всякие. Здесь очень красивые женщины, и у мужчин лица такие... В 90-е я был главредом журнала «Москва», с Расулом Гамзатовым ходили на одни заседания, съезды. Расул шутил: «Я в президиуме родился». Когда в ЦК ВЛКСМ нам вручали именные часы, с ним получали Бондарев, Астафьев, Распутин; он тогда пошутил: «А я довесок к русской литературе». Никогда не был заражён духом звёздности.

Главред литературного журнала «Симбирск» **Елена Кувшинникова** познакомиться с Гамзатовым не успела, но на его праздник приехала. «Мой старший друг Элеонора Денисова была диктором дагестанского телевидения, мечтала ещё раз увидеть вашу республику и чтобы я туда поехала. Я переполнена впечатлениями, у меня в груди целая волна признательности, благодарности, ощущение единения людей, ощущения поэтического слова, и на сердце очень хорошо. Сама личность Расула Гамзатова настолько притягательна и настолько объединяет людей до сих пор... Большой поэт, удивительная личность, человек с безбрежной душой! И чем дальше, тем больше проявляется масштаб его личности».

Закупочная цена на шерсть сейчас 30–57 рублей при себестоимости 79.

Современные чабаны

В основном в Гунибском районе зарабатывают, как и испокон веков, овцеводством. Именно здесь расположено самое крупное овцеводческое хозяйство Дагестана агрофирма «Согратль». Это бывший колхоз, который смогли сохранить и эффективно продолжить его работу. «Согратль» принимает участие во всех крупных овцеводческих выставках России, и всегда привозит награды. Одно из последних достижений — кубок и золотая медаль XX Всероссийской выставки племенных овец и коз. Руководитель СПК **Абдурахман Чураев**:

«Наше хозяйство является племенным, в 1956 именно в Гунибском районе выведена дагестанская горная на основе вюртембергской породы овец и занесена в государственный реестр. Наша традиционная порода грубошерстная. Сейчас за тонкую шерсть мериносов дают высокую цену, но для этой породы у нас нет условий. В советское время было важнее производство шерсти, сейчас нужно только мясо, поэтому и приходится всё время работать над селекцией.

Сейчас у нас на перегоне 21 тысяча овец, 7 подразделений в разных горных районах. Ещё занимаемся разведением коров красной степной породы, 5 молочных ферм. У нас 18 тысяч га земли, ещё арендуем пастбища на плоскости и в горах. Корма сами производим — и комбинированные и грубые, выращиваем фуражное зерно, рис, люцерну и рапс.

Помощь по линии Минсельхоза получаем — без этого никакое хозяйство самостоятельно развиваться не может. Также нам существенную помощь оказывает глава Гунибского района Кадьиров. Пандемия нанесла большой урон хозяйству, потому что

Некогда стратегический продукт, ныне шерсть никому не нужна

нам запретили реализацию продукции в Москву и Питер, а это были наши основные рынки, хотя в другие регионы отправляем спокойно. Ходят слухи, что это Мираторг вставляет палки в колёса, избавляется от конкурентов. А ведь мы много баранины вывозили, она уже стала брендом во всей стране».

Чураев — активный общественник, председатель комиссии Общественной палаты РД по развитию АПК, считает, что государство должно менять форму помощи реальным производителям:

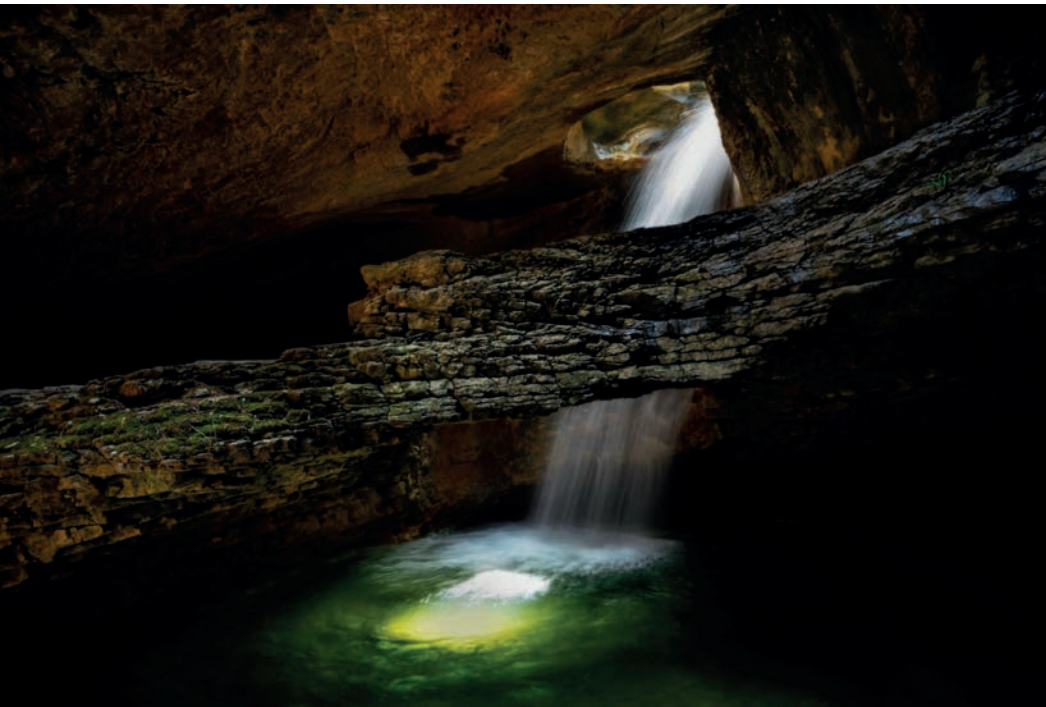
«В этом году была общемировая проблема с реализацией шерсти, потому что основные потребители — Китай, Иран и Турция — из-за пандемии закрыли все фабрики. Закупочная цена на шерсть сейчас 30–57 рублей при себестоимости 79 рублей. В этом случае государство предложило немного поднять ставку субсидии. Мы должны поддерживать ЛПХ-ников, они производят 80 % сельхозпродукции, но при этом не имеют права на гранты и суб-

сидии. Министр Гусейнов обещал субсидию 20 рублей за килограмм произведённого мяса, но нужно подтвердить реализацию, а как ЛПХ это сделает? А налоговую нагрузку они не потянут. Сделайте их налогоплательщиками, внедрите патентную систему. Система учёта важна даже не столько для налогов, сколько для безопасности продуктов».

Мы говорим: дайте преференции нашим производителям. Половину поставляемых в школы, детсады, больницы продуктов должна составлять местная продукция, а мы 15 миллиардов рублей из дагестанских бюджетов, получаемся, инвестируем в соседние регионы.

Мы создали НКО «Ассоциация производителей и переработчиков молока и мяса», чтобы представлять наши интересы на различных площадках. Сегодня руководство республики ищет пути экономического развития; важно, чтобы руководители хозяйств, главы районов, начальники управлений подключились к этой работе».

Объект:
Салтинский
водопад.
Адрес:
Республика
Дагестан,
Гунибский
район,
селение Салта.
Время работы:
круглосуточно.
Фото Омара
Пакалова

Школы и дороги

Было бы странно побывать в Гунибском районе и не увидеть Салтинский водопад. На пути была развёрнута масштабная работа — расширение дороги в Салта с последующим покрытием её асфальтом. Проконтролировать строительство приехала комиссия Минстроя. Консультант министерства **Артур Асалиев** доволен тем, как идёт стройка:

«Дорога в Салта протяжённостью всего 7400 метра, 4-й категории. Начали в 2018 году, по графику должны закончить в этом, и, если погода позволит, успеваем. В настоящее время идут работы по укладке асфальта, буровзрывные работы. Качество работ удовлетворительное. Были и на реконструкции дороги до Ругуджа, где обновляют отдельные участки».

К водопаду идти приходится по узкой теснине, по холодной воде. В тёмную пещеру пробивается лишь луч солнца, и, подсвеченная им, откуда-то с неба льётся вода в подземное озеро. Необычное зрелище!

Мудунгаджи Кадыров сам салтинец, поэтому с удовольствием рассказывает:

«У меня в Салта родовой дом, на этот водопад в детстве каждый день ходили за водой, и мы

на него не обращали внимание. А потом появилось фото Камилы Чутуева — он его открыл как природный шедевр, а фирма «Шангереев-тур» начала возить к нему людей. И сейчас сюда приезжают тысячи туристов. Хизри Абакаров построил в селе экстрим базу для туристов, пока ещё не открыли; там будут канатные дороги, зиплайн, банджи-джампинг, катание на лошадях».

Школа в Салта небольшая — здесь всего 65 учеников, чистая, со свежим ремонтом, который пока в процессе.

Директор Салтинской школы **Магомедтагир Абасов**:

«В школе одно здание 1928 года, другое 1960 года. Мы дважды заходили в проект «100 школ», сейчас у нас есть хороший спонсор, он выделил 500 тысяч на баясины. Последние пять лет Салта возрождается, туризм стал развиваться, дороги кладут. Если ещё газ провести, многие салтинцы вернутся. Многие на водопаде открыли свои закусовые. Дети резиновые сапоги дают напрокат».

У села Салта богатая и громкая история. Тут тоже произошла одна из главных битв Кавказской войны, в итоге которой Салта полностью разрушили, жителей выселили и разрешили вернуться только через 22 года. Поэтому рядом

со школой салтинцы построили мемориальный комплекс своим землякам, участникам трёх войн. В нём обелиски на ибу имама Шамиля Омар-Дибирю Салтинскому, который руководил обороной Салта, и шейху Узунгаджи, мемориальные доски участникам гражданской и Великой Отечественной войн.

Центральной частью комплекса стала стела с медицинским крестом, посвящённая всем врачам. На главном барельефе известная история с участием имама Шамиля и знаменитого хирурга Николая Пирогова. Во время Салтинской битвы был ранен близкий друг имама Шамиля. Имам отправил гонца к Пирогову с просьбой вылечить наиба. Пирогов смело приехал, прооперировал раненого, тот выжил и Шамиль подарил врачу белого коня. Именно в Салта в ходе сражения в 1847 году Пирогов впервые в мире проделал операцию с применением наркоза в полевых условиях. Так говорят.

Автор памятника, известный скульптор Али-Гаджи Салтинский, построил на свои средства рядом с комплексом дом-музей, но не успел его наполнить — скоропостижно скончался несколько месяцев назад.

Гунибский район — второй среди муниципалитетов по сбору налогов. Почти все они — от предпринимателей.

Главное — активно участвовать

Мудунгаджи Кадыров стал главой района два года назад. За это время удалось вывести район на второе место по сбору налогов в республике и начать множество проектов:

«Главные проблемы — это водопровод и детсад Гуниба. Детсад 1932 года постройки, он аварийный на 80 процентов. Год мы бились, дошли до Васильева. Проблема была в том, что по федеральным нормам на одного ребёнка должно выделяться 43 кв. м. Но у нас в селе совсем нет места, и нам дали право разработать свои градостроительные нормы. В следующем году будем строить красивый трёхэтажный садик.

Ещё один проект, сравнимый для нас только с БАМом: 10 лет назад начали работы по прокладке водопровода из Верхнего Гуниба в Гуниб. Из-за отсутствия финансирования работы остановили. В прошлом году пригласили специалистов, они обследовали необходимый дебет воды Верхнего Гуниба, и ока-

залось, что там всего 10 % от необходимого запаса. Предложили правительству другой вариант источника воды — Красная речка. Сейчас составляем проект с охватом шести населённых пунктов — почти половина жителей района будет обеспечена водой. Надеемся, что оба проекта будут реализованы.

Была программа «100 школ», по ней у нас отремонтировали в 2019 году 6 школ. В ноябре этого года собираемся открыть пять футбольных полей, одно на собственные средства. Строим несколько водопроводов по программе «Чистая вода»: в село Гюнода, в

Салта — только проектируем. На средства меценатов и районного бюджета сделали в прошлом году водовод в Хоточ и в Асельту. На деньги меценатов и госпрограмм отремонтировали детсад в Салта и Нижнем Кегере.

Сгоревшая в Тлогобе школа тоже в проекте, шесть школ на капитальном ремонте, заказали 24 пищеблока. Остальные девять аварийных школ в следующем году включаем в программу строительства. Только в этом году выпустили 30 золотых медалистов, так что образование держим на уровне. У нас 20 детсадов, охват 94 %, но ни одного типового.

Скала «Спящая красавица» представляет реальную угрозу, она повреждена в трёх местах, часть нависает над школой и многоквартирным домом в Гунибе. Глава Дагестана выделил нам 23 миллиона рублей на проектирование, здесь побывало более 10 комиссий; там установят датчики, и мы в режиме реального времени будем получать информацию о её движении. Специалисты предлагают снести макушку скалы и залить бетоном или разобрать полностью. Это покажет проект.

В следующем году начнутся проектно-изыскательские работы по газификации района.

У нас 16 СПК и агрофирм; агрофирма «Согратль» получила медали на выставке в Астрахани, среди призёров также СПК «Милюб» и агрофирма «Чох». По просьбе сельхозпроизводителей администрация в прошлом году купила в лизинг 2 комбайна, выделили миллион триста тысяч рублей для первого взноса; они участвуют в уборке, оплачивают лизинг сами, в первый же год дали в бюджет района 300 тысяч.

Зачем я так подробно всё это перечисляю? Гунибский район — второй среди муниципалитетов по сбору налогов. Почти все они — от предпринимателей. Собственные доходы выросли на 23 миллиона рублей. Правда, мы нашли муниципальное имущество, которое использовалось неэффективно, теперь сдаём его в аренду через аукцион, и это дало около 800 тысяч рублей в бюджет.

Нам есть куда двигаться дальше. Люди живут личным подсобным хозяйством. В основном это овцеводство, но есть сады и огороды — кукуруза, фасоль, картошка; пара небольших теплиц в Куяда всё село обеспечивает помидорами. Кегерский консервный завод в последнее время меньше работает. Я разговаривал с садоводами, они говорят, что оптовика закупают весь урожай абрикосов по 50 рублей за килограмм, а на заводе принимают по 16–23 рубля». Недавно фермер из Гонода получил грант на строительство консервного завода, посмотрим. Ещё у нас есть мини-завод питьевой воды «Родники Согратля».

Очень большую работу мы провели с населением по земельному и имущественному налогу, стараемся, чтобы все муниципальные заказы обеспечивали наши производители. Все школы, детсады, больницы закупают питание у фермеров, зарегистрированных в Гунибском районе, у них в итоге увеличиваются налоговые отчисления. 85 % соцобъектов тоже делают фирмы из района.

Гунибский район оправдал наши ожидания. Он оказался очень красивым, с интересными историческими и природными памятниками — в статье мы рассказали о небольшой их части. Жители района — люди весьма современные, культурные, образованные. Радует, что на каждом шагу что-то меняется, строится, ремонтируется. Здесь не живут только ностальгией о былых временах — пусть и славных, а вполне органично, сохраняя ценное прошлое, используют достижения и возможности нового времени.

За 2018 год получили план от Минтранса 2 млн 400 тысяч рублей субсидий. Глава республики Владимир Васильев объявил, что весь транспортный налог остаётся в районе. Мы собрали почти 8 миллионов. На эти деньги в шести сёлах отремонтировали дороги, дорожный фонд тоже увеличился более чем на 4 млн рублей.

В 2020 г. объявили локальный год культуры. В Гунибе была школа искусств, мы сейчас её восстанавливаем, нашли хореографа, который 20 лет проработал в Бангладеш, сейчас будет учить хореографии наших детей. В текущем году разбили три сквера: в Согратле, Бухты и Хоточе. Скверы в Хиндахе и Чохе попали на все-

российский конкурс, и хиндахский занял первое место.

В горах построить заводы и фабрики невозможно. Мы собираемся активно вступать в федеральную программу «Комплексное развитие сельских территорий», в трёх сёлах уже готовят проекты. Что можно нашими силами сделать в сёлах? Ремонт внутрисельских дорог, освещение, строительство парков и скверов, водопроводы, очистные сооружения, охрана памятников, строительство школ, детсадов, спортзалов на условиях софинансирования: 30 % местный бюджет, 70 % федеральный бюджет».

Фото: Руслан Алибеков

Практически американская история успеха в самом бедном регионе страны.

У Низама Сеидова 15 июля случилось радостное событие — в Дербенте открылся его собственный торговый дом. А начинал он в мебельном бизнесе с должности уборщика, убирая опилки. И мечтать не мог, что станет владельцем собственной фабрики и других предприятий.

Низам с гордостью показывает нам мебельную фабрику — в цехах шум, запахи красок. Знакомит со своим старшим братом, который работает у него мастером.

Вот это стул, на нём сидят

В трёхэтажном торговом доме с огромными зеркальными окнами экспозиция собственной мебели. Низам уверяет, что она очень прочная, и в подтверждение прыгает на кровати и на столе. Всё осталось целым, хотя наш герой — мужчина высокий и совсем не хрупкий. В небольшом офисе, заставленном образцами мебели для заказчиков, мы и обсудили, как стать капиталистом, зачем помогать своим конкурентам и должно ли государство помогать бизнесу.

Мне 41 год, я родился в Дагестанских Огнях, корни из села Цухдых Табасаранского района. Отец был рабочим на стекольном заводе, мама продавщицей в гастрономе, пять братьев. Учиться в вузе, мне, к сожалению, не привелось, окончил сельхозпрофлицей, сейчас учусь заочно. После армии пытался устроиться в ФСБ или МЧС, прошёл отбор, но не получилось.

В уборщики ради любимой

Собирался жениться, но не было работы. Проходя по 5-му посёлку Махачкалы, увидел мебельное производство, зашёл и попросился на работу разнорабочим. Отказали. Несколько раз приходил, уговаривал меня взять. Два месяца я просто убирал опилки, но всё время смотрел, что делают мастера. Мне было интересно, я в детстве этим занимался, дедушка показывал ремесло, мне нравилось.

Когда учился в школе, у нас был очень хороший учитель черчения, он в меня много вкладывал, я две олимпиады выиграл в республике. В этом производстве именно черчение было нужным: если дать неправильный чертёж, приходилось мебель доделывать.

Предложил свою помощь, и на что у ребят уходило 2 часа, мне хватало 5 минут. Мастера стали давать небольшую шабашку, чтобы я рисовал. Благодаря черчению я уже через два месяца зарабатывал, как мастер. Потом стал работать менеджером-дизайнером на столярном производстве, изучил оборудование, хозяин ценил.

Через два года, в 2002 открыл свой первый цех в Махачкале около завода «Стекловолокно». В основном работали с ЖКХ Махачкалы — была программа реконструкции квартир ветеранов Великой Отечественной войны с очень большим объёмом и маленькими сроками, до 9 мая, поэтому нас тоже задействовали.

Во время работы на станке отрубил палец, мне его пришлось в первой стоматологии. Врач, как увидел, говорит: «Я

Оборот 700–800 тысяч рублей в месяц — это мало. Маржа маленькая, если бы не пандемия, было бы полтора-два миллиона.

как раз на эту тему диссертацию пишу и сам впервые делаю». Палец прижился, работает, хотя другие врачи говорили, что не получится. Повезло с доктором, так что я ему благодарен.

Пока был в гипсе, родилась мысль о саморазвитии, книги начал читать. Постепенно отходил от производства. В Краснодаре ежегодно бывает мебельная выставка, я был с нашей продукцией, подошёл человек, ему сказали, что я смогу поставить предприятие, перешёл к нему начальником производства фабрики «Форест». Там узнал, почему кавказских ребят брали на эти должности — грубая ударная сила эффективна на производстве.

В Дагестане нет стабильности, поэтому мне предлагали работу далеко. Это было тяжело, семья-то здесь. Всё-таки хотелось что-то своё. Приехал в Махачкалу, в 2012 открылся, но не хватило денег на обу-

дование. Ходил в правительство, по министерствам. Все обещали, но результат нулевой. С арендодателем не договорились, мы подписали договор на год, я сделал ремонт, поставил оборудование и начал работать. Когда он увидел, что дело пошло, поднял в два раза арендную плату.

Когда увидел здание, где сейчас располагается моя фабрика, решил: у меня есть клиентская база, какая разница, где я буду работать. Позвонил арендодателю: «Если не можешь держать слово, я с тобой работать не хочу», и за один день переехал в Дербент.

Все мне говорили: гиблое дело. Мы пришли, поменяли все цены, всю политику. Сейчас этот рынок более-менее работает, хотя в начале отношения были очень плохие. Мы всем объяснили, что если не мы, другие придут. В 2018 году мне в правительстве сказали: «Давай, выходи из тени,

мы тебе будем помогать». Тогда я всё официально оформил, мы платим зарплату, как положено.

Производство в Дагестане намного дешевле, чем в среднем по стране. Поэтому в основном у нас заказы извне — Москва, Московская область, Ростов, Астрахань, Краснодар. Можно в Москву полететь на сборку и в тот же день вернуться.

Клиентов находим благодаря сарафанному радио, на втором месте — бизнес-сообщества, мы даже сами себе товар продаём: один — молоко, другой — мясо, я — мебель. Третий путь — соцсети, реклама в газетах.

Сейчас мы вошли в состав «Ассоциации экспортёров РФ», начнём работать за границей — Германия, Армения, Грузия. С Турцией уже работаем, в Турции свои мастера хорошие, но очень дорогие, наравне с Италией. Они тоже пробовали работать в Дагестане, но не выжили.

В Дагестане владелец предприятия должен быть одновременно и юристом, и экономистом, и контролером ОТК

Где учиться мастерам?

У меня работает 20–25 человек. Но в Дагестане почти нигде не обучают специалистов мебельного производства. В Махачкале есть такое ПТУ, но туда практически никто не идёт учиться, и даже их выпускники в другие сферы идут. Если в Махачкале ещё можно объявление дать на Авито, соцсети, и за месяц наберёшь коллектив, то в Дербенте всё сложнее. Приходится самим обучать: берём учеников, платим мастерам.

Самое приятное, когда ученик становится мастером. Мне очень тяжело это давалось, я долго шёл. Сейчас неделю смотрим, подходит нам парень или нет, если подходит, учим три месяца — и он уже мастер.

Обучение
профессии
идет прямо на
производстве

В этом году несколько раз встречались с главой республики, с председателем правительства и нам пообещали бесплатно обучать наш персонал. Артём Здунов сказал, что скоро в ДГИНХ начнутся курсы по многим бизнес-направлениям, в том числе по мебели.

Мы создали «Ассоциацию мебельщиков РД», возглавляет её мой близкий друг и коллега Магомед Магомедов, мы с ним по группам разъясняем, что нужно выйти из тени. Но, если честно, кем только нас не обзывали за это.

Чем прозрачнее, тем богаче

Мы хотим, чтобы мебельщики Дагестана работали так же, как в России. Я работал в Краснодаре и видел, как чётко бизнесмены выстраивали диалог с государством. У них каждый понимает меру ответственности, все меры поддержки направлены на то, чтобы сохранилось производство, если предприятие даёт налог и рабочие места. В других регионах всё прозрачно, не бизнес просит у государства, а государство приходит к бизнесу и предлагает поддержку.

А в Дагестане принято, чтобы бизнесмен был автоматом юристом, бухгалтером, экономистом и рубился со всеми ведомствами. Получается, ты реально один, с тобой нет никого. Нужно 100 тысяч рублей ежемесячно на зарплату этим специалистам тратить, чтобы суметь воспользоваться господдержкой. Для малого бизнеса это немыслимо. Так было.

Сегодня, конечно, по-другому работают. Буквально вчера мы встречались с Владимиром Васильевым, и он сказал: «Именно в вас я вижу будущее Дагестана, работайте, создавайте ассоциации и от имени ассоциаций говорите нам, что наболело, что мешает».

Мы, мебельщики, Путину писали, почему с нами напря-

мую диалог не выстраивают. Сейчас с нами часто встречаются глава региона, председатель правительства, новый министр промышленности и торговли Батыр Эмеев сам звонит, спрашивает.

За 4 года я от государства пока ещё рубля не получил, но мы и не просили. Оказываются, работники должны были быть зарегистрированы по соцпакету, а мы опоздали. Мы работали во время пандемии, но платежеспособность населения очень сильно упала, была проблема с приездом рабочих, потому что многие в сёлах живут.

Я позвонил мэру Дербента, объяснил, что у нас госзаказы, материал закупили, нужно только, чтобы рабочие попали на работу. Он в тот же день дал указание сделать нам пропуск. И мы спокойно работали. Обычно мастера в месяц зарабатывали 35–40 тысяч, во время пандемии 12–15, но и это хоть что-то. Мы от фонда Сулеймана Керимова, бизнес-сообщества продукты раздавали, в первую очередь своим сотрудникам.

Прорабатываем с правительством другие меры соцподдержки. 50 % на закупку оборудования для мебельного производства выделяет государство, с новыми станками намного быстрее станем работать.

Ко мне приходили налоговики, говорили: «Зачем тебе регистрироваться, дай сильно меньше и спокойно работай».

Работать с женой — большой плюс

Дизайнер на фабрике — **Земфира**, моя супруга, у нас семейный бизнес. С женой удобно работать, плюс женщине легче наладить диалог с клиенткой, тем более кухню обсуждать.

Основные покупатели женщины, приданое часто заказывают. Лучше всего у нас продаются кухни и шкафы-купе премиум класса, любимый дагестанский стиль — «дворцовый», цвет — слоновая кость с позолотой.

За пределами республики больше любят серые и тёмные тона, хай тек, минимализм, лофт, неоклассику. У нас своё производство МДФ, но если клиент хочет дерево — пожалуйста: мы с итальянской фирмой «Stival» официально работаем.

Мы — Опора России

Я координатор по Южному округу общероссийской организации «Опора России». Был недавно случай: в Табасаране затопило предприятие после селевых дождей, предприниматель не знал, что делать, обратился к нам. Мы сразу позвонили уполномоченному по защите прав предпринимателей Мураду Далгатову — если мешают бизнесу, ему звоним. Сразу приехали глава района, начальник районного МЧС, оценили порчу имущества. Сказали, что возместят.

Когда я начал активничать, на меня вышли люди и предложили вступить в «Опору России», сказали, что работать станет легче. Есть 5–6 активных ребят, благодаря им отделение работает, но если бы их стало больше, эта работа лучше бы

пошла — у нас часто даже не знают, что такое налоговый вычет, налоговая декларация. Информационная часть только стала подтягиваться благодаря тому, что общественники стали работать, министерства, правительство стали сами приглашать, объяснять.

Дагестанцы трудолюбивые, непьющие, но я вижу, что бизнес у нас очень плохо экономически и юридически подкован. Искал бухгалтера и экономиста. Приходят, корочки есть, а ничего не знают.

В Дербенте большой плюс — новый мэр **Хизри Абакаров**, он хозяйственник. У нас ведь как было принято: мэр, папин сын, который сухого хлеба никогда не видел, отучился в МГУ и ему тёплое место приготовили. Абакаров другой. С ним легко разговаривать, он со всеми гово-

рит понятным языком. Раньше было по-другому: пока не разбогатеешь, никто с тобой говорить не станет.

Тень и свет

Теневая экономика растёт. Откуда она появляется? Кому-то не дали открыться, кому-то мешали, у кого-то был хороший бизнес, но чиновник открыл конкурирующий и не дал работать. Ко мне приходили налоговики, говорили: «Зачем тебе регистрироваться, дай сильно меньше и спокойно работай».

Но сейчас, допустим, Батыр Эмеев говорит, что 50 % за оборудование вернёт, я 7 миллионов сэкономлю. Агентство по предпринимательству и инвестициям через Даглизингфонд обещает кредит под 4 %, несколько человек уже получили.

50 %

затрат на покупку оборудования возвращается предпринимателю.

Если такие пакеты будут, какой смысл уходить в тень?

Тяжело с госзаказами. В чём проблема? Мы не можем дать правильный продукт, этикетку, ГОСТы. Каждый акциз, логотип стоит денег, отдельный человек на ОТК — лишние затраты для малого бизнеса.

Хотя мы в 2013 году делали выставку мебели в Москве, ездили 3–4 месяца, набирали наш продукт. В финале я был в шоке — из 52 заявленных дагестанских производителей 34 получи-

ли медали: агульское мясо, глохские консервы, могохские соки, сыры... Лаборатория проверяла на натуральность и содержание полезных веществ, наши продукты оказались лучшими. Золотые медалисты, среди них и владелец консервного завода «Могох» мой друг Ахмед Гусейнов, тогда получили хорошую поддержку — за гроши хорошее оборудование. Сейчас у них всё хорошо, по всей России соки возят, уже и за границу продают: в Германию, Америку, Казахстан.

“

Вы видите, что человек налоги платит, встаньте со своего кресла, придите к нему, объясните, помогите.

Сам пока ни одного тендера не выиграл. Нанял специально человека, чтобы он нашу фабрику во все тендеры продвигал. Но есть несколько мошенников, которые ломают всем цену, сбивают её ниже себестоимости: они берут тендер, а потом подают заявление, что ошиблись. Просят добавить денег, и им добавляют. Это прямая коррупция.

Тенденция к улучшению есть — я получил госзаказ на поставки в школу и колледж, так как во всём Юждаге официально работает только моя мебельная фабрика. Идём к тому, чтобы работать с большими объектами.

Теневой бизнес получил удар во время пандемии: им не давали пропуска, не разрешали открывать предприятия. Но ведь это «слуги государевы» должны работать на общество, приходите к нам, объясняйте.

Поэтому мы создали бизнес-общества, чтобы объяснять, помогать получить господдержку. Чтобы каждая ассоциация начала вести диалог с правительством, потому что у каждой отрасли свои проблемы.

...Семья? А что семья? Всё хорошо. Две дочери, старшая учится в педколледже в Дербенте, хочет воспитывать детей в яслях, в детсаде. Младшая хочет быть врачом. Дочки помогают маме, уже во многом разбираются: здесь наклонности, там фасады поставят. Но я им не говорю: «Ты должна работать на моей фабрике», я хочу дать им свободу выбора.

Текст: Наида Хаспулатова
Фото: Руслан Алибеков

Исторический
отдел Даг. Музея

داغستان موزه نك
تاريخي شعبه سي

Страницы летописи

Исторический отдел Дагестанского музея.
Фото 1926 г.

Хаджи Мурад Доного

95

95 лет назад произошло важнейшее событие в культурной жизни Дагестана — в республике открылся музей. И хотя он берёт исток с конца XIX в., именно с 1925 года музей стал функционировать как солидное культурно-просветительское учреждение с экспозицией и фондами, включающими в себя живописные полотна, редкое кавказское, азиатское и европейское оружие, коллекцию нумизматики, предметы быта, шедевры декоративно-прикладного искусства, антикварную мебель. Началась новая — музейная — эра в культуре Республики Дагестан!

И.С. Костемеревский.
Рисунок
М. Дугричилова

Завещание штаб-лекаря Дагестанского конного полка

Создание музея в Дагестане связано с именем штаб-лекаря Дагестанского конного полка **Ивана Семёновича Костемеревского** (1813–1891). Он

родился в деревне Костемерово Скопинского уезда Рязанской губернии в семье священника. По окончании курса семинарии поступил в Императорскую Московскую медико-хирургическую академию, из которой был выпущен лекарем и в 1840 г. назначен врачом в Белевский егерский полк. Через шесть лет сдал экзамен на звание штаб-лекаря и в том же году был зачислен в Кавказский корпус, и вскоре получил место в Дагестанском иррегулярном конном полку. И.С. Костемеревский заслужил к себе уважительное отношение не только у всадников Дагестанского конного полка, но и у местного населения, пользующегося услугами штаб-лекаря. Деятельность И.С. Костемеревского, помимо его прямых обязанностей, была самой разнообразной. По его инициативе открылась школа для детей всадников Дагестанского конного полка, он изучал природу, климат и топографию разных местностей Кавказа, публиковал свои статьи в «Кавказе», «Северной пчеле», «Москвитяине» и других изданиях, работал корреспондентом «Московских ведомостей».

И все-таки главным в жизни И.С. Костемеревского следует считать его пожертвование в размере 2779 рублей на поддержание кустарных промыслов в Дагестане, что впоследствии вылилось в создание музея.

С.В. Вольский, военный губернатор Дагестанской области, председатель музейного комитета

Музею быть!

Через 19 лет, когда капитал И.С. Костемеревского, «завещавшего «на поддержку кустарных производств в Дагестане, посредством образования музея», почти удвоился, был поставлен вопрос о необходимости приступить к организации музея.

В 1910 г. в Темир-Хан-Шуре создается Комитет по устройству кустарного Дагестанского музея во главе с военным губернатором Дагестанской области **Сигизмундом Викторовичем Вольским**. Впоследствии, в связи с переходом С.В. Вольского на новую должность, с 17 марта 1915 г. председателем комитета станет исполняющий должность военного губернатора Дагестанской области князь Г.Т. Дадешкелиани.

В состав комитета вошли: помощник губернатора статский советник А.С. Кривенко, член-секретарь Дагестанского статистического комитета **Евгений Иванович Козубский**, начальник Темир-Хан-Шурина округа П.Г. Эмиров, областной инженер З.А. Темирханов и инспектор Темир-Хан-Шурина городского училища Г.В. Мустанов. В состав также были включены преподаватели Темир-Хан-Шурина реального училища Д.Е. Поцхверов и Е.С. Котелевев.

Комитет ходатайствовал перед наместником Кавказским графом И.И. Воронцовым-Дашковым о ежегодном отпуске 500 руб. на содержание музея и о присвоении музею имени И.С. Костемеревского, на что получил одобрение. Следующим шагом комитета стало обращение к начальникам округов Дагестанской области о представлении списков селений и промыслов по каждому округу с указанием суммы, необходимой на приобретение коллекций для музея, а также о лицах, которые могли бы оказать материальную помощь в деле создания музея.

Цель заключалась в «собираании образцов кустарного производства, ознакомлении населения с улучшенными способами производств, снабжении кустарей приборами и сырыми материалами лучшего качества и по фабричным

ценам, посредничестве между кустарями и потребителями».

С.В. Вольский предложил занять под будущий музей «4 комнаты с коридором, составляющие отдельные помещения в доме, занимаемом военным губернатором области, с особым подъездом на восточной стороне этого дома». По специально составленным эскизам были изготовлены витрины, шкафы и прочая мебель для будущей музейной экспозиции; заказаны штампы, бланки музея для канцелярской деятельности.

Население области отнеслось к созданию музея благожелательно; из округов прибыли изделия местных мастеров, переданные в дар, что позволило без особых материальных затрат собрать разнообразные и наиболее характерные образцы кустарных производств. С сельскохозяйственной выставки, прошедшей в Темир-Хан-Шуре с 15 по 30 апреля 1912 г., поступила часть экспонируемых на ней предметов, в том числе ткацкие станки.

В 1912 г., после смерти Е.И. Козубского, должность заведующего музеем принял статский советник Ю.А. Роменский (с 31 января 1912 г.).

6 мая 1913 г. в Темир-Хан-Шуре с участием военного губернатора, представителей областной администрации, начальников местных учебных заведений и некоторых военных

Дом военного губернатора Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, где первоначально располагался музей

Е.И. Козубский,
первый
заведующий
музеем

частей состоялось освящение и открытие Дагестанского кустарного музея имени И.С. Костемеревского. На посланную по такому случаю телеграмму наместнику Кавказскому последний пожелал успеха всем присутствующим на открытии музея.

Через некоторое время был составлен и издан первый каталог.

Открытие в начале XX в. музея в Дагестане стало значительным событием в культурной и даже политической жизни Кавказа. И хотя он размещался в небольшой части губернаторского дома, организация его и дальнейшее функционирование требовали немалых усилий.

Революции 1917 г. и последовавшие за ними драматические события в Дагестане оказались неблагоприятными для музея. Сильно поредевшие экспонаты в 1920 г. были переведены

в новое помещение, в котором было положено начало «Народному музею Дагестана».

Несостоявшийся «Народный музей Дагестана»

К концу марта 1920 г. части Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, оккупировавшие Дагестан с мая 1919 г., были окончательно разбиты повстанческими силами горцев. Вслед за этим, 2 апреля в Дагестан вошёл экспедиционный кавалерийский корпус XI Красной Армии под командованием А. Смирнова. В Дагестане установилась советская власть. 11 апреля Верховная власть от Совета Оборона, прекратившего в связи с этим своё существование, трансформировалась в условиях мирного времени во вновь образованный орган — Дагревком под председательством Д. Коркмасова.

В конце июня 1920 г. при подотделе искусств Дагестанского ревкома была учреждена специальная секция, на которую возлагалась охрана памятников искусства и старины. Секцию возглавил С.Н. Полторацкий — сотрудник Московского археологического общества, участник научно-археологических экспедиций академика Н.Я. Марра.

В воззвании секции к населению содержался призыв бережно хранить памятники искусства глубокой старины, дорогие каждому горцу как творчество его предков, не допускать разрушения и расхищения остатков древних зданий, мечетей и других памятников, имеющих «художественно-историческое и научное значение».

В июле 1920 г. в Темир-Хан-Шуре секция открывает «Народный музей Дагестана», призванный собирать и популяризировать наиболее выдающиеся произведения искусства, памятники материальной культуры; параллельно идёт работа по созданию научной библиотеки. Уже к началу 1921 г. в музее удалось вновь собрать значительное количество экспонатов, в том числе ряд редких предметов искусства Дагестана и народов Востока. Заведывание музеем было поручено всё тому же С.Н. Полторацкому.

Однако в силу ряда причин, в том числе неблагонадёжности охраны, отсутствия особого фонда для приобретения экспонатов, музей пришлось закрыть. Немаловажной причиной закрытия явились и военные действия на территории Дагестана, направленные на подавление антисоветского восстания под руководством Н. Гоцинского. Так, в декабре 1920 г., опасаясь захвата повстанцами «оружия Шамиля»,

А.А. Тахо-Годи,
председатель
Музейного
комитета (с 1923),
Народный комиссар
просвещения ДАССР
(с 1924)

под которым якобы «объединится вся контрреволюционная часть Дагестана», органами ВЧК была вывезена в Москву сохранившаяся часть арсенала имамата.

В конце декабря 1921 г. прибывший из Тифлиса представитель Кавказского музея революции инициировал создание в Буйнакске филиала этого музея. Однако созданный Музей революции оказался нежизнеспособным.

Музей, институт, библиотека

Наконец, в июле 1923 г. Дагнаркомпрос при консультативном участии Северо-Кавказского института краеведения поставил вопрос о развёртывании музея. Поначалу работа проводилась при Дагестанском архивном управлении под руководством заведующего архивом П.И. Юдина. В Махачкале, куда были переведены дагестанские правительственные учреждения, под музей было выделено отдельное здание, из Буйнакска перевезли экспонаты бывшего «Народного музея Дагестана», в октябре было возвращено из Москвы «оружие Шамиля», всё имущество и денежные средства Дагвыткома переданы в музей и пр.

В ноябре 1923 г. был организован «Дагестанский музейный комитет» — «Даглавмузей», председателем которого стал **Алибек Алибекович Тахо-Годи**. И с этого времени поэтапно (с января 1924 г.) началась активная работа по созданию музея, да так активно, что Московское отделение Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук «выразило руководителям музея благодарность за успешное выполнение работ по краеведению».

В сентябре 1924 г. в Махачкале состоялся Краеведческий съезд социалистической культуры горских народов (Съезд краеведческих горских организаций). Чуть позже по инициативе наркома просвещения А.А. Тахо-Годи создаются научно-исследовательский институт, музей и библиотека. Первым директором музея и института был назначен **Дмитрий Михайлович Павлов**, избранный на съезде членом Совета Ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций.

Дагестанский музей или, как он иногда назывался, музей дагестановедения, заручившись поддержкой ДагЦИКа, Наркомпроса, ведёт активную переписку с рядом музеев, например, Терским музеем во Владикавказе, бывшим Кавказским военно-историческим музеем (Храм Славы) в Тифлисе и др. о возможной передаче или обмене экспонатов, имеющих отношение к истории Дагестана. Параллельно идёт работа по комплектованию научной библиотеки, музей пополняется материалами, результатами различных экспедиций, проводятся выставки. Государственный музейный фонд передаёт коллекцию редкостей из собрания бывшего Кавказского наместника князя А.И. Барятинского. Берёт своё начало издательское дело — выходит в свет 1-й номер бюллетеня с насыщенной информацией, намечается продолжение издания «Дагестанского сборника».

1 января 1925 г. формируется Дагестанский научно-исследовательский институт с целью «обследования и изучения Дагестана», при котором были созданы «библиографический, этнологический, лингвистический, историко-археологический и естественнонаучный отделы».

Дагестанский музей,
Инженерная, 45,
Махачкала.
Фото 1926 г.

Д.М. Павлов,
директор
Дагестанского
музея

Наконец, 1 апреля 1925 г. в Махачкале состоялось открытие музея, приуроченное к 5-летию установления Советской власти в Дагестане. В этот же день открылась Дагестанская государственная библиотека. Успех был небывалый! Музей посещает значительное количество народу, в том числе учёные-лимнологи из Германии, Японии, знаменитый полярник Фритъоф Нансен, политический деятель Клара Цеткин. Сразу был поставлен вопрос о нехватке экспозиционной площади, недостатке освещения, создании филиалов. Постановлением Совнаркома ДАССР от 29 апреля 1925 г. здание музея, расположенное на Комсомольской улице, 45 (бывшая Инженерная), было национализировано как имеющее государственное значение.

Повседневная жизнь музея

С открытием музея началась его повседневная жизнь, заключающаяся не только в изучении, описании экспонатов, но и в сохранении исторических объектов, памятников старины (фрагменты памятников апшеронцам и М.З. Аргутинскому-Долгорукову в Темир-Хан-Шуре, пушек времён Кавказской войны, крепости Бурная, «Беседки Шамиля» на Гунибе, Хунзахской крепости и др.). Музеем также проводились выставки, принимались студенты-практиканты столичных вузов.

18 февраля 1928 г., благодаря стараниям наркома А.А. Тахо-Годи, в Махачкалу на двух железнодорожных платформах прибывает холст панорамы Ф.А. Рубо «Штурм Ахульго», ранее хранившийся в Артиллерийском музее (г. Ленинград). Это стало очередной страницей в драматической истории творения Ф.А. Рубо — свёрнутая, она пролежала в непригодном помещении много лет, из-за чего стало возможным экспонировать только три её небольших фрагмента.

Со второй половины 1929 г. директором музея становится Муэддин Джемал, впоследствии ставший известным дагестанским живописцем.

С начала 1930 г. его сменил Хас-Булат Аскар-Сарыджа — будущий знаменитый дагестанский скульптор. К этому времени музей занимал 18 комнат, в экспозиции насчитывалось 3300 экспонатов, в год проходило 240–250 экскурсий, а годовой бюджет составлял 17 тысяч рублей. Постепенно была налажена подготовка новых музейных кадров, «работников-националов».

Естественно, не всё шло гладко. Так, нерегулярно велись книги поступлений, отсутствовали инвентарные книги, из-за непригодности помещений фондов было сложно наладить правильное хранение экспонатов (всё той же панорамы Ф.А. Рубо «Ахульго») и др.

Одновременно растёт идеологизирование музейной деятельности, намечаются работы по «резэкспозиции залов музея на марксистско-диалектической основе», назревает необходимость «полного переоборудования Историко-революционного отдела и анализа реликвий и документов».

Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, преодолев первый десяток лет своего бытия, двигаясь через трудности к свершениям, осуществляя задуманное и переживая трагические потрясения, вступала в новое десятилетие. В этом движении принял участие и Дагестанский музей.

Кавказская война и зарубежный мир

Окончание. Начало в предыдущем номере

Особое место во французской литературе XIX века о Шамиле, о Кавказской войне и Дагестане занимает многотомное исследование **Александра Дюма** «Кавказ». Писатель совершил путешествие в Россию в 1859 г. Он много работал в это время, подробно фиксируя свои впечатления, рассказы очевидцев и местные легенды. По-видимому, его книга была хорошо известна за пределами Франции, так как некоторые эпизоды, описанные им, как например, взятие Ахульго, позже почти без каких-либо изменений переключёвывают в другие произведения, например, в книгу польского писателя Я. Гордона.

Как признаёт сам Дюма, отдельные описания природы Дагестана и, в частности дербентской крепостной стены, он, в свою очередь, почти без

изменения заимствовал у **Бестужева-Марлинского**, справедливо утверждая, что русский писатель должен был дать такое описание более точно и красочно, чем он. «Перечитывая его (Бестужева Н.М. — С. С.) описание, мы нашли его таким точным, что решили передать его вместо нашего, в уверенности, что читатель нисколько от этого не потеряет». Следует отметить, что не менее усердно Дюма использовал и книгу мадам Дрансей, гувернантки князей Чавчавадзе.

В книге «Кавказ» возникает огромное количество различных представителей кавказских народов: среди них черкесы, чеченцы, татары, офицеры русской службы, купцы, горожане, крестьяне, «мирные» жители и сражающиеся, женщины, дети, непосредственно наблюдаемые и описанные с чужих слов. В этой книге, столь непохожей на известные нам романы А. Дюма, особенно чётко проявляются некоторые черты самого писателя: его удивительное уважение к человеку независимо от его социального положения и необыкновенный интерес к чужим национальным нравам.

Знаменитая пленница сохранила уважение к Шамилю, которого она назвала «человеком высоких качеств».

Здесь трудно найти отчётливо выраженную политическую концепцию. Так, некоторые эпизоды Кавказской войны Дюма склонен объяснять «капризностью» императора Николая I. Писатель утверждает, что не завоевательные планы подчинения Кавказа, а удовлетворение собственной спеси и чванства определило притязания русского царя на этот край. В качестве доказательства этого тезиса он приводит документацию о Кавказской войне времён Николая I, согласно которой «горцы уже не считались врагами», а объявлялись «мятежниками», с которыми запрещены были любые переговоры, и требовалось только безоговорочное подчинение, что само по себе никак не подтверждает его предположения.

Дюма сочувствует горцам, сражающимся за свою свободу, но его уважение вызывает также мужество русских офицеров, выполняющих воинский долг. В столкновении чеченцев с казаками под командованием подполковника, а позднее генерала Сулова, симпатии Дюма вызывают мужество, воинственная отвага и честность каждого сражающегося независимо от его национальной принадлежности. Поляки-перевальщики также представлены им с большой симпатией.

Восхищённо описывая подвиг генерала Сулова, с девятью четырьмя солдатами удерживающего наступление 1500 чеченцев, Дюма делает неожиданный переход: «Горцы также складывают свои легенды столь же славные, как и легенды русских», красноречиво описывая битву при Ахульго. Здесь же рассказывает он о польских офицерах, отправлявшихся на Кавказ «для продолжения варшавской войны», как бы повторяя известный девиз польских легионеров «За нашу и вашу свободу».

С глубоким сожалением пишет он об убитом казаками абреке — «это был храбрец, побеждённый хитростью». Его восхищают обычаи пшавов, хевсуров, тушинцев и чеченцев — не оставлять на поле брани убитого товарища.

Дюма был удивлён дружелюбием, проявленным на Кавказе к политическим ссыльным, сочувствием к ним кое-кого из начальства, поведением самих «разжалованных», преисполненным достоинства и мужества.

Негодование писателя вызывают подлость, жестокость, низость человеческой природы. Подробно рассказывает он о злоупотреблениях индентантов, получающих огромные доходы от воровства провианта, предназначенного для солдат, возмущаясь их безнаказанностью.

Св. кн. Анна Ильинична
Грузинская, въ замужество
кн. Чавчавадзе.
Была въ плѣну у Шамиля.

Столь же объективно повествует он об известной истории похищения аварцами княгини **Чавчавадзе и Орбелиани**. Познакомившись с княгиней Чавчавадзе во время своего пребывания в Тифлисе, он не остался равнодушен к прославленной красоте княгини, к её «самым чудным во всей Грузии» глазам и «профилю греческой чистоты». Его пленяет её меланхолический облик «ожившей Галатеи». Он с большим участием пишет об ужасах, пережитых обеими княгинями во время нападения на Цинандали, и об их тяжёлой жизни во время пленения. И здесь же он спешит заметить, что знаменитая пленница сохранила уважение к Шамилю, которого она в беседе с писателем назвала «человеком высоких качеств». Однако нам представляется, что в основу рассказа об этом событии легли не столько впечатления самой княгини, сколько воспоминания гувернантки детей Чавчавадзе, французки Дрансей, опубликованные в Париже в 1857 г.

Естественно, что Дрансей, восхищаясь храбростью и выдержкой княгини — женщины, принадлежащих к аристократической части общества, — противопоставляя им несколько примитивные, почти не тронутые цивилизацией характеры жён Шамиля и других его домочадцев, делала сравнения далеко не в пользу последних. Но вся история пленения, как считает Дюма, была описана ею «с поразительной красотой, точностью и деталями» и во многом повлияла на его собственное повествование.

Весьма характерно, что именно эта глава была очень критично воспринята поляками.

Фанатически преданные идее борьбы за свободу, поляки в эти годы воспринимали образ **Шамиля** восторженно и однозначно. Порицая французского писателя за столь горячее сочувствие «изнеженным княгиням Чавчавадзе и Орбелиани», они совершенно забывали о том, что нападение аварцев было совершено на женщин и что при этом погиб трёхмесячный ребёнок. Я. Гордон (настоящее имя Янзовит Максимилиан), сосланный на Кавказ за участие в восстании 1848 г. и достаточно хорошо узнавший и быт горцев, и особую, возникшую в те годы атмосферу кавказского общества, возмущаясь тем, что громившие Цинандали горцы, по мысли Дюма, уподобились диким животным и тиграм, с негодованием писал о том, что «представить независимый, живущий природной жизнью народ как банду убийц и злодеев было слишком недобросовестно даже для автора исторических повестей, тем более что этих людей он и в глаза не видел».

Интерес Дюма к Кавказской войне определил особое внимание писателя к судьбе и творчеству Бестужева-Марлинского. С явным сочувствием он рассказывает об участии Марлинского в восстании декабристов (хотя сведения писателя по этому вопросу не всегда достоверны), о его последующей жизни на Кавказе, о романтической истории Ольги Нестерцевой, на смерть которой Дюма написал эпитафию, оставленную князю Багратиону.

Не ограничиваясь сведениями о жизни Марлинского, полученными от местных жителей, Дюма обратился к исследованию творчества самого писателя, и это позволило ему по достоинству оценить не только одарённость и благородство Марлинского, но и то мужество отчаяния, которое проявилось в его произведениях при изображении Кавказской войны, жертвой которой он пал.

Весьма популярный во Франции роман Дюма о Кавказской войне «Султанета», как указывает сам автор, был, в сущности, переводом известной книги Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

В предисловии к своему роману Дюма выражает уверенность в том, что он не только представляет большой интерес сам по себе, но и является замечательным воспроизведением местного колорита.

Работая над своей книгой, Дюма несколько изменил конец повести Марлинского, в котором Султанета после изгнания Амалата выходит замуж за другого и мирно живёт с ним в Тарках. Такое представление о судьбе романтической героини не соответствовало представлениям Дюма о законах развития романтического чувства. После прощания героини с Амалатом она попросту исчезает со страниц романа.

“

«Представить независимый, живущий природной жизнью народ как банду убийц и злодеев было слишком недобросовестно для автора исторических повестей...»

Я. Гордон

Предлагая французскому читателю свою книгу, Дюма тоже несколько противоречиво, если вспомнить его другие мысли о Кавказе, утверждал, что она представляет собой «любопытную картину той войны, которая ведётся между Россией, представляющей цивилизацию Севера, с дикостью и жестокостью жителей Кавказа».

Польская литература о Шамиле и о Кавказской войне поистине необозрима. Некоторые произведения на эту тему написаны людьми из окружения Шамиля, лично его знавшими. Они содержат много интересных сведений как о личных качествах имама, так и об общей атмосфере, царившей в его армии. Так, один из этих авторов сообщает, что у Шамиля был музыкальный оркестр из поляков, во время наступления играющий польские полонезы; что в его армии были польские инженеры и артиллеристы, что он был столь

лишён фанатизма, что оказывал покровительство не только русским раскольникам, бежавшим от преследования официальной церкви, но и евреям. Как пишет один из польских исследователей того времени, «все подчёркивали, что Шамиль вовсе не является фанатиком мусульманства и прославляли его религиозную терпимость».

О «толерантном» отношении Шамиля к другим религиям, в особенности, к католицизму, который исповедовали польские офицеры и солдаты, бежавшие под знамя Шамиля, чтобы сражаться «за нашу и вашу свободу», пишет и современный исследователь польско-дагестанских связей, назвавший мюридов Шамиля «рыцарями свободы». В хронике польской эмиграции, издававшейся в Париже в 1833–1838 гг., сообщается, что «черкесы» очень гостеприимно встречали польских перебежчиков, что многие из них руководят военными действиями горцев, что «знаменитый Шамиль имеет при себе польских уланов и строит для них костёлы».

По польским источникам, в 1833–1834 гг. на Кавказе в царских войсках, оккупирующих Дагестан и Черкесию, сражалось около 10000 поляков. Сходство судеб Польши и Дагестана вызывало у поляков не только сочувствие, «но и желание сражаться с дагестанцами плечом к плечу».

Однако существовал и другой вид литературы, представители которого явно использовали события Кавказской войны в качестве экзотического материала, нередко превращая образы горцев в трафаретные типы романтических героев и злодеев, проявляя полное пренебрежение не только к реальной истории, но и к столь обязательному для романтиков «местному колориту». Так, Шамиль в некоторых из этих произведений курит табак, горские женщины ездят на лошадях, горцы продают своих дочерей в гаремы. Некоторые явно романтические перехлёсты нередко возникают в уже упоминавшейся книге Я. Гордона, участника восстания 1848 г., сосланного в Сибирь и на Кавказ, который нередко сбивается на бульварно-романтический тон в своей книге «Солдат, или Шесть лет в Оренбурге и Уральске» (Львов, 1865).

Повествование ведётся здесь от имени польского солдата, сражавшегося в армии Шамиля. Романтическая история жизни героя и его любви к названной сестре Либии постоянно отскакивает на второй план описаниями военного быта и частной жизни Шамиля и его ближайших помощников.

Особенно красноречиво звучит рассказ о взятии Ахульго, о мнимой смерти имама и его чудодейственном воскрешении. Образ Шамиля здесь полуфантастичен и апокалиптически грандиозен. Он наделён не только исключительным военным гением и высокими человеческими достоинствами, но и сверхъестественными способностями — возможностью перемещаться по воздуху и читать мысли людей.

Надо полагать, что столь высокий пиетет, питаемый автором к Шамилем, породил в его книге миф о мнимом умерщвлении Джемалэддина по приказу отца за измену; думается, этот эпизод мог возникнуть под влиянием традиционных романтических сюжетов об убийстве отцом прекрасного юноши за измену. В действительности Джемалэддин, пробыв в качестве заложника при Императорском дворе почти пятнадцать лет, получив чин полковника, в 1854 г. был возвращён в Дагестан в обмен на княгиню Чавчавадзе, назначен отцом наибом Карата в Ахвахском районе, где и кончил свои дни в 1858 г. По-видимому, беспредельное восхищение политикой Шамиля породило и пренебрежительное отношение Гордона к страданиям княгини Чавчавадзе.

Вполне реалистическое изображение некоторых эпизодов войны, в особенности в последних главах, братское отношение Шамиля к полякам, принадлежащим к его непосредственному окружению, искреннее и горестное прощание с ними и колоритное описание кавказского быта, сочетается в романе с явно авантурным сюжетом, совершенно невероятными приключениями главного героя, продолжавшимися и после возвращения с Кавказа.

В конце повествования о Шамиле автор называет его великим пророком и мудрецом, а решение о капитуляции перед Россией рассматривает как смирение имама перед волей Бога.

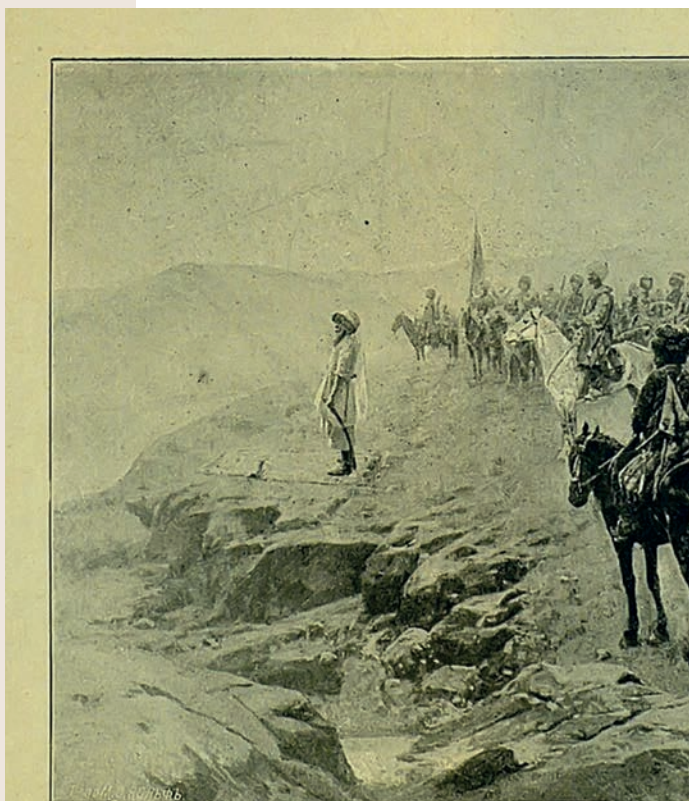
Романтическое отношение поляков к войне горцев за независимость под знаменем Ша-

миля, особый пафос, которым был овеян образ маленького свободолюбивого народа, восставшего против северного колосса, горячее сочувствие к «братьям по борьбе за свободу» ярко и откровенно проявилось в творчестве известного польского поэта Тадеуша Лада-Заблоцкого.

В юности он учился в Москве, был членом польско-русского кружка, встречался с Белинским. В 1837 г. поэт был арестован за антиправительственные стихи и сослан в действующую армию на Кавказ, где дослужился до офицерского чина.

В 1845 г. им был опубликован сборник стихотворений, в котором имеется чрезвычайно ценный раздел «Писанное на Кавказе», кстати, самый обширный в этой книге. Несколько стихотворений этого сборника были созданы на дагестанской земле. В стихотворении «Ночь перед битвой» (1839) поэт с глубоким уважением и сочувствием говорит о горцах, сражающихся за родную землю, за могилы предков, отстаивающих своё законное право на свободу.

Прекрасная, непокорённая человеком природа Кавказа сама вдохновляет своих сынов к борьбе против тех, кто посягает на их родину и свободу. Вот неистовый Самур, мчась между цветущих берегов, в ночной мгле, освещаемой изредка мерцающими,

Молитва Шамиля

Глядя с вершины родных гор на подступающие колонны своих врагов, этот герой клялся не слагать оружия, пока бьётся его сердце.

как золотые звёзды, огоньками, зажжёнными непокорёнными лезгинами, журчит песню об их подвигах. Но близится утро и эту первозданную тишину нарушат залпы пушек, и чёрная мгла покроем ряд за рядом тел, кто сегодня полон цветущей жизни.

В стихотворении «Лезгинка», написанном в ритме танца, поэт прославляет героизм горца, погибшего в бою за родину. Ему представляется как, глядя с вершины родных гор на подступающие колонны своих врагов, этот герой клялся не слагать оружия, пока бьётся его сердце, пока течёт по жилам кровь.

В стихотворении «Сонет», написанном в 1839 г., в лагере близ селения Ахты, Лада-Заблоцкий восхищается величавой красотой кавказской природы и сожалеет, что не может воплотиться в дух этих грозных гор и навсегда остаться здесь. Те же мысли содержатся и в его стихотворении «Утро в горах». Поэт говорит, что он полюбил землю кавказскую и проникся уважением к неукротимому мужеству её сынов. Кавказ — его вторая отчизна, и всё же заветная мечта его — хотя бы в старости вступить на порог отчего дома.

Весьма своеобразный характер приобретает романтическая проза о Кавказской войне. Некоторые произведения приближаются к почти

апокрифической литературе. Особенно напоминает произведения «неистового романтизма» поэма Карела Бжожовского «Огненный лев». В основе сюжета лежит история романтической любви единственной дочери могущественного мюрида Шамиля Махуда, прозванного Огненным львом, «прекрасной, как “ранний золотой луч солнца, пробивающийся из-за туч”» Атаги, и «стройного, как тополь, красавца Каплана, чеченского князя» (очевидно, Бжожовскому не было известно, что у чеченцев князей не было). Патриотическая идея здесь проявляется очень своеобразно. Дочь Махуда Атага в отчаянии от того, что отец хочет продать её в гарем турецкого султана в наказание за то, что она позволила любимому взглянуть на своё лицо. Но как только выясняется, что отец решился на это лишь потому, что султан даст ему за дочь тысячи ружей, кинжалов и коней для борьбы с русскими, Атага мужественно принимает его решение: «Клянусь Аллахом, и я дитя Кавказа! Нет, отец, не говори, что ты продашь свою дочь в наказание, но скажи мне: «Умри за веру и отчизну», и я готова». Тщетно Каплан предлагает за любимую золото, жемчуга, коней и невольников. Махуд непреклонен. И когда Каплан похищает возлюбленную, отец её обращается с жалобой к Шамилю, требуя смерти Каплана: «Отныне у меня два врага. Москва и этот пёс, что подлее гяура». Напрасно сам Шамиль пытается смягчить гнев Огненного льва и сохранить жизнь храбрцу Каплану: «О, братья, болит моё сердце! Гяур оставил нам землю только для могил наших, и ту вы поливаете братской кровью». Иمامу удалось только добиться отсрочки казни Каплана, так как он был обязан принять участие в битве с русскими. Но и после битвы ни просьбы имама о милосердии, ни героический подвиг Каплана, спасшего жизнь самому Махуду, ни несметные богатства, предлагаемые оскорблённому, не могут изменить требования Огненного льва о мести. И только брошенный к ногам Махуда мешок, наполненный отрубленными Капланом ушами гяуров, смягчает его гнев, и он протягивает герою руку дружбы.

Романы Войцеха Потоцкого «Абдуллах и Гувальд», «Аслан-Темир» и другие его произведения отличаются большей достоверностью, чем романтические истории Гордона и Бжожовского. Изображая жизнь кавказских народов в 30-е — 40-е гг. XIX в., автор обнаруживает хорошее знание местных обычаев, особенностей примитивной сельской архитектуры, национальной одежды, пищи и, что важно, ясно понимает общую атмосферу эпохи и её непосредственное

Передь сраженіемъ.

Картина проф. Ф. Рубо.

Война уносит самых доблестных, самых благородных героев, к какому бы стану они ни принадлежали.

воздействие на национальный характер. Судя по трагическому развитию повествования Потоцкого, при всей его симпатии к справедливой войне горцев, он не может удержаться от сожалений о том, что война уносит самых доблестных, самых благородных героев, к какому бы стану они ни принадлежали. Не случайно в его произведениях герои всегда погибают.

В романе «Абдуллах и Гувальд» погибают чудесные юноши: сын богатого горца (под старость принявшего подданство России и уже потерявшего во время своего воинственного прошлого, когда он считался «грозой Грузии и Армении», семерых старших сыновей), Абдуллах — «чудесное дитя Кавказа, мужественное, скромное и прекрасное», и шляхтич шведского происхождения — отважный Гувальд, перед смертью прошептавший имя Гануси, любимой сестры, оставшейся без отца и матери.

Монолитному и сплочённому воинству и окружению Шамиля противопоставлен здесь лагерь русских войск на Кавказе. У сражающихся нет общей, воодушевляющей их идеи. Здесь собралось двадцать семь народов: мусульмане с берегов Койсу, Сунжи и Малки, жители побережья Аракса, Куры и Самура, русские, поляки... И характерно, что «русские палатки» расположились отдельно от «палаток азиатских». Один из русских солдат, ветеран 1812 г., уверенно заявляет, что и французы, и лезгины, и чеченцы одинаково плохи и схожи друг с другом, так как, во-первых, их понять невозможно, во-вторых, и во Франции, и на Кавказе растут виноград и каштаны.

В основу сюжета романа «Аслан-Темир» легла весьма популярная не только для литературы о Кавказской войне, но и для европейского колониального романа история двух несчастных влюблённых, исповедующих разную религию. Действие происходит на границе Чечни и Дагестана, между устьем Терека и Сулака, «где живёт племя татарское — кумыки, славящиеся красотой мужчин и женщин». Отец героя, владелец Темир-аула — князь Гаджи-Темир, в зрелом возрасте понял, что будущее кумыков может быть спокойным и надёжным только в союзе с могучей Россией, вступил на военную службу и даже получил чин генерала.

Хотя в исторической литературе имеется достаточно указаний на то, что многие кумыкские помещики принимали русское подданство и добровольно шли на военную службу, Потоцкий считает, что в массе своей народ и в особенности молодёжь не только сочувствовали национально-освободительному движению, но и поддерживали его. «Значительная часть ку-

мыков породнилась с непокорёнными племенами и имела с ними тайные связи». Так, старший сын Темирова Зураб сражается в армии Кази-Магомеда, ненавидит русских и, в конце концов, порывает с отцом.

Младший и любимый сын его Аслан-Темир получил европейское воспитание в доме друга своего отца, коменданта «сильнейшей в то время крепости Грозный», полковника Сурачева, серба по национальности. Образованный Аслан-Темир отказывается вступить в связь с составшими не потому, что не сочувствует им, а потому, что не хочет изменять уже принятой присяге: «Пророк трижды проклял изменников и семь раз нарушителей клятвы верности», — говорит он.

Любовь Аслан-Темира к дочери полковника красавице Нине определяет весь процесс развития трафаретного романтического сюжета. Не возражая против этого союза, и Гаджи-Темир и полковник Сурачев хотят, чтобы брак

был заключён по законам их религии. Этот спор приводит к разрыву многолетней дружбы, обрекая обоих участников на одиночество.

Дальнейшая судьба Аслана-Темира, из-за любви к женщине презревшего религию и семейные традиции, является одним из распространённых в русской литературе первой половины XIX в. вариантов истории южного аборигена Кавказа, силой обстоятельств оторгнутого от родной среды и не сумевшего найти своё место в жизни официального русского общества. Думается, эта тема, тесно связанная с культивируемой в те годы царским правительством системой аманатов, в какой-то мере восходила и к многочисленным полуфантастическим легендам о судьбе старшего сына Шамиля Джемалэддина, красавца флигель-адъютанта, блиставшего на придворных балах Варшавы и Петербурга.

Князь Аслан-Темир также представлен в романе Потоцкого как блестящий офицер,

поражающий окружающих не только красотой, но умом, отвагой и благородством. Решив принять христианство, он отправляется в Тифлис, где становится всеобщим любимцем, вызывает горячую симпатию главнокомандующего и отеческое расположение эрцарха Грузии.

Находясь в штабе главнокомандующего во время похода на Гимры, Аслан-Темир прославился как один из самых отчаянных смельчаков, захвативших укрепленный вал, при обороне которого погиб Кази-Мулла. Позже он был представлен военному министру, получил орден Св. Владимира, чин капитана и большую пожизненную пенсию. Но, оставив покорённое его красотой и удастью петербургское общество, Аслан-Темир — теперь князь Александр Темиров, отправляется в Тамбов, где гостила у тётки его возлюбленная Нина.

Хотя герой сражается в рядах русской армии, польский автор питает к нему глубокую симпатию, подчёркивая врождённое благородство его натуры, не испорченной конформистскими настроениями цивилизованного общества, к которому он временно приобщается, и безудержным карьеризмом, господствующим в дворянско-чиновничьей среде, искалечившей Нину, согласившуюся на брак с титулованным стариком.

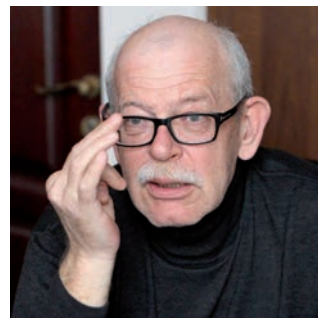
Характерен конец романа: перед смертью отец простил Зураба и проклял за измену вере Аслана, который, узнав об этом, покидает родной дом и русское общество и скрывается в горах. Таково сложное романтическое противопоставление двух миров в этом романе.

Рассмотренные в статье некоторые образцы литературы о Кавказской войне позволяют считать, что в произведениях зарубежных писателей, в особенности польских, увлечённых новизной материала и актуальностью темы, стремление к возможно более яркому воспроизведению местного колорита иногда приводит к поглощению художественного образа этнографическими и романтическими описаниями. Однако в лучших образцах этой литературы, в произведениях Пьера Дюпона, Мёриса, А. Дюма, Лада-Заблоцкого и других писателей Запада возникает поэтический образ Кавказа, органически связанный с древними легендами, религиозными обрядами и поверьями, поражающий широтой эпического размаха и одновременно реалистической выразительностью, и овеянный особым внутренним лиризмом образ вождя восставшего народа — Шамиля.

В конце августа впервые за последние 35–40 лет в дагестанском селении Амузги гремела музыка, звенел смех и веселились люди.

Андрей Меламедов

Оживляя Амузги

Считается, что селение Амузги умерло много лет назад, когда в конце прошлого века его покинули все жители. Ушли все, кроме Патимат Нугаевой, которая для себя решила остаться до конца в доме, где прошла вся её жизнь, и где она родила одиннадцать детей. И до самой её смерти (она умерла три года назад) дети и внуки по очереди ходили в единственный дом в Амузги, сохранивший крышу на фоне каменных развалин, уже покрытых охристым мхом.

На самом деле Амузги умерло намного раньше, когда при советской власти местным жителям запретили делать то, что у них получалось лучше всего, — кинжалы, шашки и ножи, слава о которых гремела по всему миру, и которые сегодня украшают коллекции самых известных музеев планеты.

Именно это, а не отсутствие электричества и дороги (до Амузги сегодня, как и много веков назад, можно добраться лишь по тропинке, берущей начало в Кубачи), и стало

началом конца селения, многие века бывшим одним из самых известных на Северном Кавказе.

Попытку хотя бы ненадолго оживить Амузги предпринял московский журналист и художник Борис Войцеховский, который пригласил сюда певцов, музыкантов, танцоров, многочисленных гостей, а незадолго до их прихода заполнил селение фантомами ушедших жителей. Двадцать пять женских фигур, выпиленных из фанеры и одетых в празд-

ничные одежды, встали у разрушенных стен в ожидании. Получилось всё очень красиво — и больно. Это потом все дружно решили, что эти женщины встречают гостей, приехавших на праздник. А вначале, рано утром, когда гостей ещё не было, создавалось впечатление, что амузгинки возникли из небытия, чтобы проститься со старым селом, сердце которого перестало биться.

Село в этот день оживили не только женские фигуры.

Амузги — это ремесло, это звон наковальни, это искры, вылетающие из раскалённого горна.

Говорят, что камни, из которых построены стены домов, после ухода людей скучают по голосам, детскому смеху, звукам шагов. Амузгинские же камни, думается, намного больше грезили совсем о других звуках. И они зазвучали: незадолго до прихода гостей в старом селе заработали сразу две древние кузни.

В своё время их вывезли из села на лошадях. А в день праздника потомки амузгинских кузнецов вернулись в село, согнувшись под тяжестью весьма нелёгкого груза. Древние дедовские меха для раздувания горна, наковальни, наборы инструментов, мешки с углем — в общем, всё необходимое для того, чтобы на глазах восторженных зрителей за считанные минуты из полоски ржавого металла выковать очередную клинок.

Вот только древний точильный круг, вырубленный из особого речного камня, мастера с собой не принесли. Много лет он пролежал в густой траве возле дома Патимат Нугаевой, оставленный здесь последним ушедшим мастером. В день праздника его подняли, установили на деревянные опоры и поднесли к вращающемуся каменному колесу только что выкованный нож. И праздник начался.

И ещё напоследок. Как только заработали кузни, стало абсолютно очевидно, что Амузги вовсе не умерло. Потому что Амузги — это не просто место на карте, и не горстка разрушенных домов. По большому счёту, Амузги — это ремесло, это звон наковальни, это искры, вылетающие из раскалённого горна. И поэтому оно будет жить, пока живут на свете амузгинские кузнецы, передающие секреты мастерства младшим братьям, детям и внукам.

Фото: Алексей Бобров

КУЛЬТУРА

КУЛЬТУРА **Персона**

Анна Гаджиева

Мы поговорили с Мадией Расуловой — о традициях, о городе и селе, о робости перед чистым листом бумаги и о том, что может помочь, когда тебе совсем плохо.

Если кто помнит, предновогодний номер нашего журнала вышел с весёлым акварельным снеговиком. Автор этого рисунка — не профессиональный художник, а практикующий психолог **Мадина Расулова**, и рисовать-то начала сравнительно недавно. И оказалось, что это не страшно, что вообще всё не страшно и можно начать делать то, что ты любишь в любом возрасте.

На её страничке в Фейсбуке портреты, пейзажи, жанровые картинки. Иногда робкие, будто художник боится окрика со стороны. А иногда вдруг сильные, словно он устал бояться и дал себе волю, плюнув и на собственные страхи и на чужое мнение.

...и без вышивания

— Хотя моя семья родом из знаменитого села Кубачи, но я родилась и выросла в Махачкале. Папа от традиционного ювелирного промысла отошёл ещё в молодости, переехал в город и стал писателем. Мы с братом выросли в квартире, стены которой от пола до потолка были в книжных полках, и у нас было больше 2 тысяч книг. И я жила в комнате, где две стены — это книги. Это ощущение дома, опоры, того, что всё будет хорошо, очень многое дало. Родители дали мне базовое доверие к миру. До сих пор для меня дом, тот уют, очень много

значит. Пусть не будет шикарного ремонта или обстановки, но какой-то уют, что-то такое тёплое должно быть.

В общем, несмотря на двух сельских бабушек, воспитание у меня всё же было городское. Я не обучалась рисованию орнамента и искусству златокузнецов, как мои сельские сверстники, в Кубачах обычно гостила недолго, и приезжала больше в новый посёлок, чем в старый аул. И всё равно к селу у меня особенно родное, трепетное отношение, словно какая-то сила от него исходит.

“

Кстати, кӀаз я и на свадьбе не надевала.

Хотя в него — традиционный, с древними порядками — я совершенно не вписывалась. Поэтому мне по душе был дом Ахмедхана Абу-Бакара, известного писателя. Он стоял на самом краю нового посёлка, вдали от других домов, и можно было делать то, что ты хочешь: сбежать в ущелье и незаметно возвращаться обратно, сидеть одной на веранде и слушать Высоцкого. Меня не особо тянуло в сам старый аул или проводить время за вышиванием кӀазов с другими девочками (кӀаз — традиционный кубачинский платок с вышитыми золотом или серебром узорами).

— Прямо никогда не вышивала? Кажется, это даже городские кубачинки делают обязательно.

— Начинала, пробовала какие-то узоры вышить, но так и не закончила. Но платки, которые вышивала серебром и золотом моя бабушка, я храню с большим трепетом. Это моя связь с Кубачами и с предками, мой энергетический ресурс. Я так вышивать не могу, у меня в другую сторону выстрелило.

— В какую? У тебя был чёткий план жизни ещё в молодости?

— Планы тогда были совершенно другие и довольно традиционные для 80-х годов — получить юридическое образование и работать с несовершеннолетними. Это была моя детская мечта. Но тогда нужны были два года стажа, и я решила не терять время — пошла на филфак. А там оказалось так здорово, и однокурсники, как на подбор, звёздные, и я подумала: доучусь уже, а работать пойду в МВД. К моему желанию работать с несовершеннолетними относились со снисхождением — мол, у девочки блажь, это пройдёт; меня взяли на работу в Информцентр, где я научилась работать с ЭВМ в далёкие восьмидесятые. В этот период начали пресс-службу создавать, штатов ещё не было, и я числилась в пожарной части, писала обзоры, фельетоны...

Так же традиционно получилось и с замужеством — я вышла замуж за кубачинца. Но это был мой выбор, а не желание родителей. Мама говорила: за кого захочешь, только, пожалуйста, не за негра. У меня были друзья разных национальностей, но так судьба распорядилась, что в мужьях оказался односельчанин.

Свадьба была в городе, но меня провожали в дом мужа по-кубачински — дождалась темноты и повели пешком. Было факельное шествие, был мучал за плечами у тётки. Но без фанатизма и полного погружения, просто в знак уважения к традициям. Кстати, кляз я и на свадьбе не надевала. Был такой компромиссный вариант: на мне был красивый индийский платок, я его повязала на манер кляза. И был современный светлый костюм, с которым настоящий кляз никак не сочетался. По кубачинским обычаям под белый кляз надевают яркие или тёмные парчовые платья. Но в какой-то момент во мне проснулись кубачинские гены, и в 90-е я занялась ювелиркой, помогала мужу.

Мне ужасно нравилось работать с огнём, когда металл становится мягким и слушается тебя.

Несколько лет подряд я делала очень много изделий, в основном модные тогда золотые цепи-верёвки. За вечер могла собрать и спаять три цепи. Наверное, я собрала десятки или даже сотни метров этих цепей. А потом устала. А тут ещё дочери подрастают, и мне показалось, что что-то не так делаю в их воспитании. Я прочла книгу Леви «Нестандартный ребёнок» и решила, что мне надо идти учиться на психолога. Поняла, что это то самое, моё.

И если так посмотреть, я недалеко ушла от своей мечты. Я помогаю людям — взрослым,

молодым, подросткам — разобраться в себе и в том, что их окружает, найти себя, стать сильнее. Психология ведь тоже помогающая профессия. С молодыми людьми, кстати, работать проще, чем с взрослыми. Люди после сорока более консервативны, зажаты, а молодёжь гибкая, какие бы заморочки у неё не были. Молодёжи свойственно обходить запреты, искать свою линию жизни.

Я всё время себя преодолеваю

В юности я была стеснительной. Но попала за компанию с подругами в телетеатр к Александру Мелентьеву и Владимиру Тагирову, и всё изменилось. Я играла роль мальчика в «Убить Дракона» по мотивам пьесы Шварца, и мне надо было громко крикнуть вверх в небо: «Мамаааа!». Но громко не получалось — меня сковывал страх, и я что-то пищала, что-то невнятное. Тогда Владимир Тагирович подвёл меня к окну телестудии, а из него был виден далёкий освещённый район Махачкалы, и говорит:

— Самый дальний огонёк видишь? Вот там твоя мама. Ну-ка позови её сюда.

Я как закричала «Мамаааа!». После этого всё моё стеснение улетучилось, и я стала намного уверенней и смело могла вести себя на публике.

В работе психологом выбираю по ситуации, какие приёмы мне надо использовать

и сочетать в каждом случае — в русле когнитивной терапии, символдрамы, семейной системной терапии. Какие мне кажутся наиболее подходящими и эффективными. Мне тесно практиковать в одном направлении, нравится интегративный подход.

— Ты состоявшийся человек, у тебя есть имя в профессии. Не страшно тебе начинать что-то новое для себя? Какие мечты и нереализованные желания тобой двигали?

— Это, как и многое в жизни, произошло случайно. Пару лет назад узнала, что мои виртуальные друзья и коллеги-психологи проходят в соцсетях уроки акварельного рисунка по Интернету, и присоединилась к ним.

Мне понравилась акварель своей текучестью, прозрачностью.

Потом я выиграла набор профессиональных красок в рандомном розыгрыше, и желание учиться рисунку усилилось.

Творчество как спасение от горя

Когда не стало отца, рисование помогло мне прожить и принять утрату. Я рисовала по ночам и выкладывала в Интернет первые рисунки. Сначала я думала, что это обязательное условие марафона. А когда узнала, что можно просто брать уроки и вообще никому их не по-

казывать, мне уже понравилась обратная связь с друзьями. Думаешь, что ужас как плохо получилось, а они пишут: да неплохо, что ты! Тут же внутренний самокритик на это одобрение реагирует, успокаивается, и ты думаешь: тогда буду ещё рисовать. Я не считаю, что я хорошо рисую, но я делаю это для себя и получаю от этого удовольствие. Для меня это источник энергии. Я рисую ночью, а свободный график работы позволяет мне выспаться и заняться работой в удобное мне время.

Я же понимаю, что у меня нет базы, нет основ рисунка. Я вижу, что в моих работах этого не хватает, что там много ошибок, нелепостей, чего-то по незнанию, но учиться с нуля у меня не найдётся времени. Учиться карандашному рисунку, анатомию изучать — это несколько лет уйдёт, а я сейчас хочу рисовать. Но хотя бы в моих рисунках есть то, что я хочу передать. Особенно неловко бывает перед художниками, когда они хвалят.

“

Особенно неловко бывает перед художниками, когда они хвалят.

Я купила замечательный курс пластической анатомии, прошла два урока, но мне некогда двигаться дальше...

Не так давно в Первой галерее прошла выставка «Наивный фестиваль», это выставка самодельных художников, и там впервые я рискнула показать свои работы. Снеговики для журнала «Дагестан» были вторым дерзким заявлением о себе. Но на воркшопах, где рисуют настоящие художники, я волнуюсь сильно.

— Откуда у тебя время, силы и желание на всё это? Ты же ещё и путешествуешь, да?

— Путешествую не так много сейчас, но за последние два года объездила почти весь Дагестан. Я езжу в краткосрочные, небольшие путешествия, чаще укладываюсь в один день. Но это было тоже такое моё увлечение, которое началось с того, что я увидела первые фотографии на фейсбуке у Шангереева. Написала ему, спросила, могу ли поехать с ним, потому

что это здорово, и я хотела в Карадахскую теснину. И вот так начала ездить. Это увлечение и до сих пор есть.

— Где бы ты хотела побывать в Дагестане, где ещё не была?

— Я не была... Дагестанский Кайлас — Пабаку, но я знаю, что туда подъём очень тяжёлый. Какие-то районы Южного Дагестана, я там не была. Не всё видела среди аварских высокогорных районов. Даже в своём Дахадаевском районе я хотела бы пешие туры. Чтобы много ходить по ущельям и склонам. Это не труднодоступные альпинистские маршруты. Или есть такой маршрут у Муртузали из Гунуба к тоннелю, который был для Александра прорыт. Мне хочется активных путешествий, а не так — приехал на маршрутке, посмотрел, пообедал и уехал. Ходить пешком, смотреть, чувствовать, просто остановиться и быть там столько, сколько тебе нужно для насыщения, гулять.

Где я ещё не была и готова даже галопом проехаться — Цунтинский, Цумадинский, Тляртинский районы. По фотографиям я вижу, какие они суровые и красивые. И горы у нас везде разные. Так что планы ещё есть.

Я не была воспитана в таких уж кубачинских традициях, но ощущение связи с предками, силы и чего-то такого, и хорошего и плохого из прошлого, всё же было благодаря родителям. Родители дали ощущение жизненной опоры.

— Детям передала это?

— Что-то, думаю, да. Надеюсь. Что-то они взяли по-своему...

— А вот эту связь с предками. Кубачинский фундамент такой?

— Думаю, они проникнуты этим духом. Насколько они дальше это понесут, не знаю. Вот у меня мучал кубачинский один, а дочери две, надо ещё один, думаю, где взять. У меня есть казы для обеих, и старинные украшения уже разделены, и сыну наследство тоже достанется. Я думаю, они не потеряют связь. Очень надеюсь на это. Не из каких-то соображений о патриотизме, о долге перед малой родиной, а потому, что такая связь может стать огромным ресурсом, опорой, подпиткой и в творчестве и просто в обычной жизни.

Мы продолжаем наш «Культурный портрет» — совместный проект редакции и галереи современного искусства «Первая галерея». Автор и куратор проекта — Джамия Дагирова.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Алибег Казанбиев из Хунзаха — как путеводная звезда для многих историков, ставших авторами научных работ. Но он, как сапожник без сапог: сам не написал ни одной книги. Говорит, что — больше читатель, чем писатель.

Алибег отлично справился бы с трудами по истории оружия и одежды горцев. Мог бы позволить себе составить словарь аварских архаизмов (например, он знает, как древние аварцы называли монаха («болозан») и синекуру («гъулай»).

Алибег считает, любовь к истории в нём появилась потому, что он прошёл академию Мансура из Гиничутля. Хотя история семьи его матери случилась намного раньше дружбы историка и учёного. И она, возможно, не дала уснуть памяти Алибега.

Впрочем, вот что он сам рассказывает о себе.

Одних убили, других выслали

После института я поехал в Киргизию встречаться с родственниками матери. Никогда их до этого не видел.

Дядя Магомед просил остаться там, устроиться в местную школу учителем. Но я не мог: в Хунзахе меня ждал взрослый отец. Тогда я предложил Магомеду переехать на родину. Но и он не захотел. Говорил, что в Хунзахе не осталось их дома, он разрушен. Поживи тогда с нами, у нас семь комнат, настаивал я. Но — нет. Не согласился. Он не смог оставить там своих родных. Так они все там и умерли.

Лишь моя мама спаслась от высылки: она была матерью четверых детей и женой красного партизана, моего отца. К тому же комис-

сар внутренних дел Муслим Атаев приходился родственником моему отцу.

Это происходило в 1936 году. Мне был год.

Так, кроме отцовских родственников, со стороны матери почти никого не оставили в Хунзахе: одних убили, других выслали в Киргизию.

Дома их также разрушили (когда районной администрации нужен был камень), а имущество раздали красным партизанам.

Однажды к нам пришёл человек от партизана по имени Хаджиисхаки и сказал, что тот просит тайно забрать у него старинное зеркало и ковёр, доставшиеся ему («потому что в его доме эти вещи совсем не смотрятся»).

Когда весть о поступке Хаджиисхака дошла до другого партизана, он сказал, что не дурак, как его товарищ, чтобы возвращать такое добро.

«Казанбиев Алибек», учитель и краевед из Хунзаха
Гаргацев Гусейн, 2018, бумага, пастель.
Из фондов Национального музея РД им. Тахо-Годи.

“

Это выглядело бы продажей совести за партийную книжку.

Отец

Отец мой в 15 лет покинул село из-за кровной мести. Но его дядя — царский полковник Къадихлума, похлопотал за него, и отца перевели в Корода. Там он вёл себя не как узник, а вполне свободно. Оттуда и вовсе переехал в Темирхан-Шуру — просто ему понравилось в городе, и жил там до 1922 года.

Затем как-то Мухлумирза (революционер Хизроев. — *Авт.*) отправляет отца с важным письмом в Хунзах, в крепость. Он его передал, но вместе с другими попал в засаду.

Поэтому в его удостоверении написано: «красный партизан, участник Хунзахской крепости». Это его и спасало впоследствии.

Кстати, отец потом продал дом в Темирхан-Шуру и купил его в Хунзахе. Сейчас я живу в нём.

Нажмудин и политическое воспитание

Жена Нажмудина (пятый имам Дагестана Нажмудин Гоцинский. — *Авт.*) Патимат была близкой родственницей моей матери. Они с дочерью находились в ссылке в Кутиша. Раз в год на один месяц их отпускали домой. Это время они проводили у нас.

Мне нравилось слушать Патимат. Она знала очень много.

Однажды я пришёл со школы и заявил им (матери, Патимат и её дочери): «Теперь я знаю, кем был ваш Нажмудин. Трус и обжора. Нам учительница так рассказала».

Я учился в третьем классе.

Посмотрев на меня очень строго, мама сказала: «Ты эти уличные разговоры оставь в уличной школе».

Патимат добавила: «Как же нам тяжело, если даже ты так будешь говорить».

А её дочь обняла меня.

Увидев их реакцию, я смутился — мне стало стыдно и страшно за себя.

Тогда политическим воспитанием начинали заниматься уже с третьего класса. Потом — эти октябрятские значки, галстуки, партия. Так пудрили людям мозги. К счастью, я не пошёл по этому пути.

Когда я создал в школе этнографический музей, Гаджи Гамзатович (экс-министр культуры, экс-председатель президиума Дагестанского филиала АН СССР. — *Авт.*) хотел меня перевести директором республиканского музея. Но потом он спросил, состою ли я партии, поскольку «люди напротив» интересуются об этом. Нет, ответил я, и не собираюсь.

После того, что произошло с нашим родом, это выглядело бы продажей совести за партийную книжку.

Выговоры «на всякий случай»

Спустя несколько лет, уже после того как стал учителем истории, я подумал: вот про жизнь русских царей-князей, европейских королей, учёных и так далее написано всё, а почему никто не изучает историю дагестанских предводителей, культуру горцев?

Я решил перейти на блочную систему обучения (обобщённое изучение революций, войн), чтобы выкроить время для уроков по истории Дагестана. Оно наступало через каждые два месяца.

Никто не является наследником царского имущества: ни вы, ни я.

Однажды директор заявила: «Алибег, то, чем ты занимаешься, опасно и для тебя, и для меня». «Что случилось?» — спросил я. «Вдруг проверка придёт и спросит, с какой стати вы сократили историю России?» — пояснила она.

Я предложил директору застраховаться: на всякий случай объявлять мне выговоры, а самому — писать объяснительные, что «больше такого не повторится». Так директор через каждые два месяца на всякий случай писала на меня приказы, а я давал обещания. К счастью, «проверки сверху» так и не случились, ни разу.

Со временем в школах уже разрешили преподавать историю Дагестана — раз в неделю.

Но учебники по ней — это отдельная песня. Видно, их составители сами в школах никогда не работали. У аварцев на такое говорят: *гъардужъанасул гIатI гIадаб жо* (похоже на муку, которую раздают попрошайке; имеется в виду, мука разных сортов и видов. — *Авт.*)

Особенно ужасно выглядят учебники по истории для 9–10 классов. Они такие потому, что на новые, качественные учебники денег не выделяют. К тому же их не составляют на конкурсной основе.

Совет историкам

Я бы посоветовал историкам не доверять официальным релициям (письменное донесение о действиях войск. — *Авт.*), поскольку они могут быть необъективны. Если провести ревизию этих релиций, то в живых не должен был оказаться ни один горец (после их рубки).

Конечно, не всегда находишь нужную информацию и архивные данные с нашей стороны (речь о русско-кавказской войне. — *Авт.*). Например, у Мухаммада-Тахир аль-Карахи (секретарь имама Шамиля. — *Авт.*) нет и строчки про сражение в Телетле. Таких упущений достаточно много в нашей истории: некоторые или нигде не зафиксированы, или интерпретированы неверно.

Например, чего только не пишут про разгром Надыр-шаха в 1741 году. Каждый тянет одеяло на себя. Кто-то утверждает, что горцы тогда разгромили иранского шаха под руководством Муртазали (Газикумухский хан. — *Авт.*)

Но в истории не было факта, чтобы аварцы воевали под руководством человека другой национальности.

В песне о разгроме Надыр-шаха написано: «ГIаидул майдан къотIун, цере унаго, Нуцалид ахлана лъалхъе, — ян абун. — Лъалхъе, гIлохъаби, вагIза гъабизе».

Значит, кто был главнокомандующим в том сражении? Нуцал (хунзахский. — *Авт.*)

Кому написал письмо Надыр-шах после своего разгрома? Мухаммад-Нуцалу (отец Умахана Великого, правитель Аварского ханства. — *Авт.*)

А он в присутствии посланника Надыра продиктовал ответное письмо своему писарю. Оно есть в архиве внешних сношений Министерства иностранных дел России. А копия письма хранится у меня. Мой родственник Хайдар помог скопировать его с архива.

Как я собирал музей

В 1960-е годы Хрущёв облегчил жизнь колхозникам, освободил их от странных налогов. Например, налогами облагались даже деревья, скот. Так, люди стали жить лучше и избавляться от старья. Постепенно переходили на фабричную продукцию.

Однажды возвращаюсь я домой и вижу старинную кастрюлю у речки. Захотел забрать, но постеснялся. В Хунзахе не поняли бы этого. Подождал до вечера. Но к этому времени от кастрюли не осталось и следа. Потом узнал, что сосед забрал.

Так я пришёл к мысли: надо всё собрать в музей, пока совсем не утратили.

В то время в нашей школе очень любили художественную самодеятельность. Поэтому ездили по районам с концертами. Казалось, один я был против того, что детей отрывают от учёбы.

Всё же, как завучу, мне приходилось их сопровождать везде. Однажды поехали в Цумадинский район. Пока шла репетиция, я решил погулять по селу. Смотрю: к порогу одного дома прибита гвоздями кольчуга. Я стал умолять хозяйку продать её за любые деньги. Нет, ответила она. Как, говорит, я буду чистить обувь от грязи?

Я поехал в Хунзах, заказал в колхозной кузнице приспособление для чистки обуви и вернулся к той старушке, чтобы поменять его на кольчугу.

А в Ахвахском районе я нашёл две царские пушки. Протащили их еле до Хунзаха. Я теперь шучу, что это, наверное, единственная кража за мою жизнь. После этого ко мне из Ахваха приезжали следователь с сотрудником из угрозыска. Спрашивали, почему я их забрал оттуда? Потому что они там стояли бесхозно, наполовину в земле. Никому до них не было дела. К тому же, ответил я им, никто не является наследником царского имущества: ни вы, ни я.

Однажды вместе с Мансуром Хайдарбековым из Гиничутля мы были на зиярате в

Отдал за него 600 долларов,
хотя в Хунзахе мог купить тогда за 20 рублей.

Закаталах, на могиле Умахана Аварского. Оттуда зашли в Джарскую мечеть. Там был большой колхозный склад для урожая. Проходя мимо него, я чуть не споткнулся об камень. Смотрю: кусок надмогильной плиты Умахана. Мансур тоже подтвердил это. Конечно же, я тогда быстренько взвалил его на плечи и привёз в Хунзах.

Так везде я находил экспонаты. Моему примеру следовали и ученики. Наши девочки из Дербента привозили кусок саркофага.

Сейчас в музее около шести тысяч экспонатов (некогда школьный музей сейчас является районным. — *Авт.*).

Мансур

Мы были неразлучны с Мансуром из Гиничтля (Мансур Хайдарбеков — учёный-арабист. — *Авт.*). Думаю, он и привил мне любовь к истории. Сам Мансур окончил Самаркандский университет.

Супруга его была родственницей моей матери.

«Посвящение в рыцари»

Да, я очень люблю оружие. Коллекционировать.

В Дагестане всегда был культ оружия. Например, наши предки отмечали праздник — *ханжарбухьи*. Это как посвящение в рыцари. В 15 лет мальчик носил кинжал.

Но в 1960–70-е годы особо не ценили оружие. За кинжал давали 20–50–70 рублей.

Однажды соседка предложила мне старинный кинжал. Но я спешил куда-то... А потом мне не удалось его купить. Соседка сказала, что отдала кинжал внуку.

Представляете, я его нашёл в 2010 году на базаре Хиди в Тбилиси. Отдал за него 600 долларов, хотя в Хунзахе мог купить тогда за 20 рублей.

Кікloro

Есть в Тануси сильнейший артиллерист — все его называют Къоро. Начальник районной милиции дал ему справку: «Кікloro имеет право владеть пушкой и носить пушку». И вот однажды по приглашению гунибцев мы поехали в Согратль, на место разгрома Надыр-шаха. Я строго-настрого предупредил Кікloro дожидаться моей команды, прежде чем выстрелить из пушки. Но что-то пошло не так. Пушка выстрелила, когда народ начал есть. Майор, сидевший рядом с нами, сразу лёг на пол, при этом успел выкрикнуть: «Ложитесь — теракт». Женщина напротив стола вылила на себя чай. Начался переполох.

Чуть позже майор всё-таки узнал, что «это не теракт, а наш дикий артиллерист». Я спрашиваю Кікloro: «Зачем стрелял?» «Как же удержаться, когда пушка полная и готова к бою», — отвечает Кікloro.

Такой же номер он проделал в гостях у своего приятеля, который нашёл на свалке пушку.

Её забирали на юбилей Хунзаха из нашего музея. После праздника все как-то забыли про неё, и пушку вместе с мусором благополучно снесли на свалку, пока её там не откопал приятель Кікloro.

В один из прекрасных дней наш артиллерист Кікloro вздумал выстрелить из пушки. При этом заправил её тротилом.

Приятеля Кікloro в этот момент спасло то, что он поднял руку, чтобы поднять рюмку. После этого в селе шутили насчёт «бараката» выпивки. (*Смеётся*).

Текст и фото:
Зульфия Гаджиева

Влада Бесараб

Воспевшие Победу

Культурная жизнь в Махачкале в этом году не слишком активна. А что поделать, если эпидемиологическая обстановка не располагает к проведению премьер, концертов и вернисажей. Все ушли в онлайн. Но к середине осени стало возможным посещать некоторые спектакли, концерты и выставки, снова видеть «живьём» любимых артистов и любоваться произведениями искусства. Полные залы собирать всё ещё нельзя (и неизвестно, когда будет можно), поэтому немногочисленные зрители живо откликаются на всё происходящее (и, кажется, даже стараются аплодировать погромче).

III Республиканский театральный фестиваль-конкурс «Воспевшие Дагестан» в Театре поэзии прошёл в очень тёплой и дружеской атмосфере, которая бывает, когда после долгой разлуки встречаются близкие по духу люди.

Фестиваль проводится раз в два года. Он изначально задумывался как экспериментальная площадка: его участникам предлагалось не просто обратиться к поэзии народов Дагестана, но найти какую-то новую (для самого театра-участника, в первую очередь) форму. Прежде всего, для того, чтобы стихи и классиков национальной литературы, и современных авторов (включая тех, кто пишет на родных языках) были созвучны сегодняшнему времени, близки, понятны и интересны зрителю.

Театр поэзии для фестиваля выбран не случайно — там очень маленькая сцена, поэтому артисты оказываются совсем близко от зрителя, буквально на расстоянии вытянутой руки. На этой сцене невозможно отвлечь внимание спецэффектами, укрыться за декорациями, светом, костюмами — все обычные театральные приёмы и хитрости не работают. Остаётся самая суть — живое поэтическое слово в исполнении живых актёров.

Итоги III фестиваля-конкурса уже подведены, дипломы и призы розданы. Как это было, можно посмотреть по записи в Интернете. Нам же хочется рассказать о том, как выступил сам Театр поэзии, точнее, группа совсем молодых актёров — студентов выпускного курса актёрского отделения факультета культуры Даггосуниверситета, для которых сцена театра на протяжении нескольких лет была ещё одной учебной аудиторией.

Вообще, когда театр открывался пять лет назад, его руководство сразу заявило, что считает одной из своих основных задач помощь начинающим артистам (равно, как и начинающим поэтам!). Так оно и случилось: студенты не просто приходили сюда в качестве зрителей (хотя это тоже важная часть образования), но и

участвовали в семинарах и мастер-классах, а главное, регулярно выступали сами: показывали этюды и отрывки, читали стихи и прозу. Росли, набирались опыта. Это всё ж таки большая разница, выступать на учебной сцене перед сокурсниками и педагогами или в настоящем театре перед зрителями. Не экзамен, но проверка на профпригодность. У театра всё ещё нет своей труппы, хотя бы нескольких артистов, состоящих в штате, но зато есть «дети». И, судя по всему, работают с ними правильно.

Специально к фестивалю «Воспевшие Дагестан» (и, конечно, к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) Джамили Рабаданова, Злата Шамхалаева, Диана Даимова, Папум Муржаидова, Ахмед Кудиев, Башир Абдурахманов и Тамерлан Матаев под руководством Джамили Мирзоевой и Изумруд Алиевой подготовили поэтическую композицию «Взорванный ад» по трагической поэме Фазу Алиевой «Красные жаворонки».

бождения узников нацистских концлагерей.

Об этих событиях человеческой истории, об этом нечеловеческом ужасе лучше всего говорят сухие цифры и факты исторических документов, кадры фото- и кинохроники, рисунки и наброски с натуры, сделанные худож-

новый адов круг. «В тишине, оглушающей душу, колокол скорби мерно гудит»...

Любят у нас говорить о важности патриотического воспитания подрастающего поколения и при этом путать патриотизм с милитаризмом. Дети в военной форме, шагающие нестройными рядами,

«Трагическая поэма» — очень точное определение жанра произведения, в эпиграф к которому вынесено — «Памяти погибших в немецких концлагерях». «Красные жаворонки» — результат труда многих лет, три месяца из которых Фазу Алиева работала в архивах Бухенвальда, одного из крупнейших концлагерей гитлеровской Германии, в котором 11 апреля 1945 года узники подняли восстание.

...Заклѹченные действовали сообща: по заранее намеченному плану они атаковали охрану и взяли лагерь под свой контроль. Два дня спустя в Бухенвальд вступили американские войска. В память об этом восстании 11 апреля объявлено Международным днѣм осво-

никами-фронтовиками и военными корреспондентами. Если говорить об этом языком литературы и театра, то только так — сразу двумя высокими жанрами. И никаких инсценировок, чтобы не скатиться в пародию, не опозилить. Эмоциональное потрясение, испытанное Фазу Алиевой после посещения бывших лагерей смерти, накладывается на эмоции самих артистов. Живое, горячее, пульсирующее поэтическое слово, прочувствованное и прожитое молодыми исполнителями, обжигает. Спектакль построен таким образом, что «слова» чередуются с паузами, наполненными пластическим действием. Чтобы все выдохнули и вздохнули снова перед переходом на

полосатые ленточки, старые песни на полную громкость из всех репродукторов, фотосессии в кокетливо сдвинутых набок пилотках — вывод: война это весело, это прикольно. Актѣры, участвовавшие в постановке «Взорванный ад», не играли в войнушку, и только за это уже достойны аплодисментов...

А ещѣ они искренне любят свою профессию, такую непрестижную, неперспективную, неденежную. Им обязательно надо играть этот спектакль в первую очередь перед своими сверстниками, в школьных актовых залах. Им поверят, и «ощутит душа дыхание печали той высокой».

Фото: Гаджикурбан Расулов

Заканчиваем публикацию романа журналиста, блогера, режиссёра-документалиста, путешественника, историка-религиоведа, специалиста по экспериментальной социологии

Константина Гусева.

Продолжение можно будет прочитать на сайте журнала — dagjournal.ru

Иллюстрации Амины Котомановой

Гонка вооружений

Удивительно, но советские СМИ почти не влияли на жизнь нашей коммуналки. Мы жили какой-то параллельной жизнью, в которой хоть и присутствовали распространённые в стране термины — заклятья, но использовались они далеко не по назначению. Мудрецы из Агитпропа так и не смогли победить наших чародеев-фронтовиков. Недаром любимой поговоркой деда Хасана была «воевать не воровать». В нашей коммуналке советская пропаганда приобретала противоположный от поставленной задачи смысл. Например, гонка вооружения. Для советских идеологов это был вполне банальный приём: отвлечь внимание граждан страны от внутренних проблем на внешние. Приём — проще не придумаешь. Увы, в нашей коммуналке фантазмагории советских мудрецов были восприняты более чем буквально: коммуналка взяла курс на гонку вооружений!

Нет, с оружием и раньше у нас никаких проблем не было. Для фронтовиков наличие как минимум нагана было нормой, и их пример был заразителен для окружающих. Публика типа Катьки Колосович пользовалась специальным тяжёлым холодным оружием. У академика Шапкина помимо огромных кулаков был бердыш. Умение обращаться с ножом было нормой для шпаны и отсидевшей, уже пожилой, интеллигенции. Позже из Афганистана стали приходить покалеченные и не очень граждане, на которых масс-медиа принципиально не действовали. Благодаря им в коммунальном хозяйстве стали появляться

взрывчатка и автоматическое огнестрельное оружие. Кто бы мог подумать, что в застойные советские годы люди будут запасаться оружием? Для чего? Для продвинутого коммунального мистика, привыкшего смотреть сквозь время, это хозяйство нашло себе применение позже — в весёлые 90-е.

А как же быть с внешними врагами? Увы, они обитателей коммуналки почти не интересовали — они так и остались карикатурными персонажами из журнала «Крокодил».

За десятилетие до развала СССР наша коммуналка готовилась к этому событию, имитируя бурную советскую жизнь. Комсомольский работник Боря Яйцев пригласил Бабушку с наганом на очередной утренник по борьбе с внешними врагами и слёзно попросил «что-нибудь прочесть». Боря плакал, что иначе ему отрежут его комсомольские яйца. Дядя Коля Овощников назвал Борю говнюком — жители коммуналки на такие шабаши никогда не ходили, и туда стогнали бюджетников. Бабушка с наганом вышла на сцену и прочла короткое четверостишие собственного сочинения:

«Если будут фашисты грозить
 Нам какой-нибудь ядерной пушкой,
 Даже мальчик любой пояснит —
 Это вам совсем не игрушка!»

При слове «мальчик» она многозначительно показала на меня. Я был очень горд. Шпана в зале подожгла сразу несколько дымовух. Бабушка с наганом достала наган и пальнула в воздух. Зал наполнился воем и смятением. Опрокинув стулья, комсомольцы с бюджетниками ломались к выходу. У дверей царил давка и лютый слэм. Затоптанных бюджетников тайно хоронили по ночам под надзором КГБ.

«Говнюки» — резюмировал культмассовое мероприятие старый коммунальный склочник и ветеран-танкист дядя Коля Овощников.

На боевом посту

Н е надо думать, что своим существованием СССР обязан исключительно талантам дворника деда Семёна колотить бутылки и банки. Уверен, что в масштабах огромной страны таких Семёнов было множество. Один наш скромный закрытый город дал Советскому Союзу как минимум с десяток чародеев.

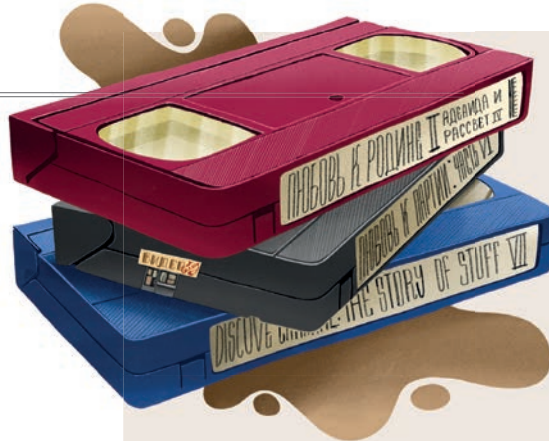
Когда в компании сверстников я начал совершать первые вылазки за пределы двора, то поражался окружающей реальности. Меня особо не интересовали ларьки, которые можно было взломать, и гаражи и сараи, где можно было пожить вареньями-соленьями. Также меня мало интересовали кражи булок с хлебозаводов. Мой интерес вызывали те, кого Старцы из подвала Семёна называли «святенскими». Дед Хасан утверждал, что эти люди также причастны к управлению огромной советской империей.

На моих глазах на окраине города появился спальный район Печоры. Там можно было таскать со строек множество полезных вещей. Из-за масштабного строительства жизнь трудящихся разделилась на две половины: днём они работали, а вечером и ночью таскали со стройки всевозможный штафф. Когда часть микрорайона достроили и сдали дома, множество моих знакомых поменяли безумный коммунальный рай на индивидуальные бетонные темницы. Один из них мрачный маньяк Белов, который впоследствии зарубил топором жену и семерых детей и поехал на дачу рубить тещу. Тёще удалось спрятаться, и она рассказала много пакостей про Белова. Белов с детства был скучным и обидчивым психопатом. Он был неинтересен.

Посреди свежестроенного буйства бетонных пирамид находился видеосалон. Днём за рубль там показывали комедии и боевики, а вечером за два рубля порнуху. Из-за того что за мною постоянно бегала с топором польская дворянка Катя Колосович, боевики с комедиями мне были неинтересны. Порнуха интересовала только из-за заявления какой-то безумной бабы, что в Советском Союзе нет секса. Но было жалко двух рублей... Тем более, что самое интересное находилось неподалеку, на остановке у видеосалона.

Каждое утро на остановку приходил толстый человек в чёрном пальто и чёрной зонтовской ушанке. Человек приносил с собой стул и садился на него. Весь день толстый человек проводил на стуле. Зимой и летом, в холод и зной. Качаясь на стуле, он тёр руками свои ляжки и бормотал всевозможные истории, которые постепенно превращались в сериал о какой-то далёкой, но в то же время близкой и интересной жизни. Я мог часами стоять рядом и слушать их. Под конец я забросил учёбу и целыми днями торчал в Печорах, слушая удивительные истории о том, как этот толстый проказник разбил стекло у некоего академика

Волкова, и началась ядерная война. Потом толстый человек хитро оглядывался и бормотал, что Гришка забросил на крышу фонарик, и описывал последующие катаклизмы. По его мнению, навести порядок в стране можно было только одним способом: «Игорь придёт — он вам задаст!». Потом шла долгая сага про то, что Игорь был известным американским космонавтом и трижды летал на Красную площадь.

Когда толстому человеку было страшно, он орал: «Танки! Танки! Танки!». Вопли разносились над бетонными коробками и разлетались по городу. В соседнем микрорайоне шёл человек с безумным взглядом и пел: «Едут танки по Кузнечихе». На Московском вокзале меня остановил ещё один человек с безумным взглядом и строго спросил: «Где пройдут фашистские танки?». Я пожал плечами.

— Чай, по Сормовскому рынку, — поучительно сказал человек и исчез в толпе.

На Сормовском рынке пожилой человек с безумным взглядом и боевыми наградами строго спросил меня про фашистские танки, потом пнул важного человека с портфелем и громко заорал на всю улицу: «Ну ты, тунеядец, скотина, мать проститутка, отец предатель?!».

Я понял, что эта тройца — тайные гонцы толстого человека, призванные исполнять его волю.

Я очень хотел затащить в Печоры деда Хасана, чтобы он оценил масштаб святости толстого человека. Но дед Хасан был кристально честным человеком, для него была неприемлема кража даже у государства. Он категорически отказался туда тащиться.

— Учись жить без нянек, — строго сказал он. — Наступит момент, когда рядом с тобой никого не будет. Вообще никого. И ты сам должен будешь определять, кто великий чародей, а кто банальный псих.

— А как же я определю, дед Хасан? Мне что, вежливо его спросить: «Извините, пожалуйста, а вы ебнутый или нет!».

— Так он тебе и сказал! — усмехнулся дед Хасан. — И вообще, может, он генерал царской армии и к нему нужно обращаться «Ваше Превосходительство»?!

— И что мне делать?

— Анализируй. Как в разведке. Подумай хорошенько, как можно использовать то, что он говорит. Учись думать самостоятельно!!!

В результате я самостоятельно решил, что толстый человек у видеосалона каждый день находится на своём боевом посту. Иначе чего ему там каждый день делать. А просто так человек на боевом посту торчать не будет — значит, он делает что-то важное для блага Родины. И подтверждение этому другие хранители Родины, которые стоят на страже её рубежей в других районах нашего закрытого города.

В то время отец отдал меня в секцию бокса, чтобы я научился хорошо себя вести. Там я изобрёл новое упражнение: когда во время спаррингов партнёр зажимал меня в углу, я бубнил ему на ухо всё, что услышал от толстого человека в Печорах. Как правило, партнёр терялся, и можно было спокойно выйти из зажима и даже перейти в контратаку. Однажды партнёр громко заявил: «Да ты ебнутый, что ли!!!», за что получил от тренера.

Мантру «Игорь придёт, он вам даст» я использую до сих пор. Особо хорошо она действует на провинциальных чиновников. Они тут же начинают лихорадочно вспоминать имена тех, кто выше их по чиновничьей иерархии. В результате благодаря, например, главе Роснефти Игорю Сечину, было сделано множество добрых дел.

Говнюк не попадёт в Вальхаллу

В этот день в школе вызывали духов пионеров-героев. В тёмном зале слышались потусторонние голоса из репродуктора:

— Я Марат Казей...

— Насрал в музей, — слышался слишком громкий шёпот откуда-то сбоку.

— И запрятал в уголок, чтоб никто не уволок, — слышался ещё более громкий шёпот с другого бока.

В толпу школьников ринулись вооружённые указками учителя, и спиритический сеанс был безвозвратно испорчен.

Понурий, я тащился из школы в родную коммуналку. Мне было очень жалко, что не удалось пообщаться с духами пионеров-героев. Они были единственные из безумного пропагандистского потока, кто мне нравился. Они уже совершили свой подвиг, героически умерли и особо не лезли в дела живых.

Как-то я заявил катакомбным старцам, что пионеров-героев неплохо бы канонизировать. К моему удивлению, старцы многозначительно покивали и согласились. Суфий и разведчик дед Хасан заявил, что пионеры-герои никуда не делись и до сих пор обретают в этом мире, помогая страждущим. Они называются Эйеи — невидимые помощники.

— В любой вере есть мученики за неё, — пояснил дед Хасан. — Есть они и в советской вере. Но поскольку советская вера зажалась и утверждает, что она венец творения, то и мученики ей уже не нужны. Ей рабов-комбайнеров подавай и жопастых доярок. Обслуга нужна, а не герои. Теперь они, хвала Всевышнему, всем помогают. Советской власти не будет, а пионеры-герои останутся. Будут старикам помогать тележки таскать.

— Как советской власти не будет???

— Так и не будет. В мире нет ничего вечного. А вечной власти тем более.

— А когда не будет?

— Скоро.

— И мы будем жить счастливо?

— Это уж от тебя зависит, как ты будешь жить. А насчёт «мы» не уверен. Люди глупые — нового барина себе на шею найдут. Да и не одного....

— А пионеры-герои?

— Водки они тебе точно не нальют. Но когда станешь старым, помогут тележку дотащить.

— А с чего ты взял, что я в старости буду тележку таскать? Может, у меня своя машина будет!!!

— Так своя машина — та же тележка. Вот её и подтолкнут, когда сломается.

Мимо проходил ведущий коммунальный склочник дядя Коля Овощников. В одной руке у него была бутылка водки, в другой — огромный топор.

— Дядя Коля, а пионеры-герои будут мне машину чинить?

— Говнюк! — ответил дядя Коля и знаком велел следовать за ним.

Мы вошли в огромный зал. За огромным столом, бряцая рыцарскими доспехами, неторопливо пировали обитатели коммуналки. Они мастерски кромсали большие куски сочного мяса огромными ножами и пили из кубков. Кубки были из человеческих черепов, украшенных золотой свастикой. Зал освещали факелы.

— У каждого Абрама своя Вальхалла, — поднял свой кубок профессор Гурвич. Длинная кольчуга несуразно висела на его тощей фигуре.

— У каждого Вильгельма бутылка портвейна, — подняла свой кубок Катка Колосович. На тёмно-синем бархате её вечернего платья сияли бриллианты. Катка мастерски колотила огромным топором грецкие орехи.

— В хоккее играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей! — неожиданно трубным голосом произнёс дядя Коля Овощников.

Он восседал в огромном дубовом кресле. Сбоку валялись топор, двуручный меч и почему-то лыжи с палками. Я был уверен, что сейчас дядя Коля скажет ещё много других интересных слов. Но дядя Коля в очередной раз заявил, что он катался с Гагариным на лыжах.

— Катался, катался, — неожиданно заявил Гагарин. Он сидел в серебристом скафандре напротив Регинки-Трепачки-дуры-башкой-орехи-коли и играл с ней в подкидного дурака. Регинкин наряд на этом странном пиру не изменился — она была всё в том же зелёном цилиндре и красном пальто.

— Извините, а вы, значит, не разбились? — спросил я Гагарина.

— Разбился. Но меня забрали инопланетяне, и теперь я небесный хранитель вашей коммуналки. Впрочем, как и множества других коммуналок.

— Извините, а вы не знаете, что стало с пионерами-героями?

— Конечно, знаю. Пионеры-герои бессмертны и их души могут переселяться куда угодно. Например, в тебя.

— Это ещё зачем?! — возмутился я. — Я не хочу, чтобы меня пытали фашисты, а потом какие-то пионеры говорили, что я насрал в музей...

— Я могу сделать так, что тебя будут пытать не фашисты, а полевые командиры, — успокоил меня Гагарин.

Тогда я не знал, кто это такие, и успокоился. Но при этом неожиданно вспомнил, что мой дед и отец очень неодобрительно отзывались о Павлике Морозове.

— Извините, а вы не знаете, куда делся Павлик Морозов? — вежливо спросил я у Гагарина. — Он тоже где-то рядом с нами?

— Говнюк не попадёт в Вальхаллу! — раздался звериный рык дяди Коли Овощникова.

Гагарин лучезарно улыбнулся, и от него стало исходить сияние. Я машинально отпрянул и больно ударился головой о стену. Я сидел на полу в дворницкой. Напротив меня сидел дед Хасан и с любопытством смотрел на меня. Где-то в глубине дворницкой слышалось бормотание Семёна и тихое молитвенное пение Старцев.

— Где я?

— Где, где — в Караганде! — передразнил меня дед Хасан.

— Нет, я только что был на каком-то пиру, где мои соседи были рыцари и пили с Гагариным. Я даже с ним разговаривал!

— И ещё не один раз поговоришь! — Дед Хасан успокаивающе похлопал меня по плечу. — Ты был в стране мёртвых. У немцев она называлась Вальхалла.

— А чего там делали мои соседи?

— Наверное, часть их души туда немцы всё-таки отправили.

— А пионеры-герои?

— Они давно там обитают.

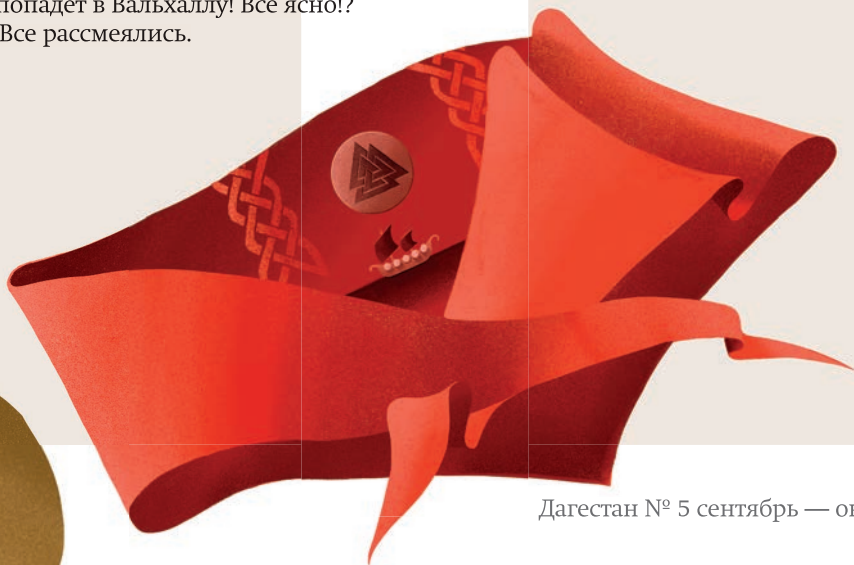
— А почему я их не видел?

— Ишь, чего захотел? Пионеров-героев ему подавай! — неожиданно прошамкал дед Семён. — В Вальхалле побывал, с самим Гагариным разговаривал, а ему мало! Говнюк!

— В тюрьме сидел, в политику лез, в сериалах снимался! — вздохнул Старец Варсонофий, с грустью глядя на меня. Говорили, что у Варсонофия пророческий дар, и он видит будущее. Тогда я не знал, что такое сериалы.

— Сами-то помните, как в мир мёртвых первый раз лазили, — продолжал Старец Варсонофий, строго глядя на деда Хасана и деда Семёна. В этот момент два дона напоминали провинившихся школьников. — С чёрного хода! Или напомним, как в ваши старческие жопы пионеры-герои солью пальнули ради баблства?! Диверсанты, прости Господи! А ещё пацана говнюком назвали. Говнюк не попадёт в Вальхаллу! Всё ясно!?

Все рассмеялись.

Алигаджи Магомедов

Мама

Мама, мама, эти годы, что тебя на свете нету,
Пронеслись потоком быстрым незаметно для меня.
И без материнской ласки, и без мудрого совета
Так безрадостно и горько протекает жизнь моя.

Мама, мама, лишь едва ты нас оставила навеки,
Все невзгоды и несчастья сразу в дом ко мне вошли.
Лишь твоя молитва смолкла,
лишь твои сомкнулись веки,
Все болезни и лишенья ветры в дом мой принесли.

Вижу я тебя: стоишь на сенокосе в чистом поле,
Утомлённая работой, по лицу струится пот.
На пустынную дорогу смотришь с грустью ты
и с болью —
Разошлись по свету дети, и никто уж не придёт.

Вижу утром, на рассвете, в час прозрачный,
в час хрустальный,
Как молитву ты возносишь, солнце ясное встаёт.
Слышу голос твой красивый,
что мелодией печальной
Суры вечного Корана то ль читает, то ль поёт.

Или вновь тебя я вижу летом жарким,
летом знойным,
Как идёшь ты по дороге с тяжкой ношей на плечах.
Вижу я тебя в заботах, торопливой, беспокойной,
Вечно ты спешишь куда-то, и покоя нет в очах.

Нашим маленьким успехам ты была ужасно рада,
Наши мелкие печали разделяла с нами ты.
Каждый день ты проводила
лишь с детьми своими рядом,
И о нас одних лишь были твои мысли и мечты.

На погосте на аульском спишь
под каменной плитою,
Но порой как будто смотришь
на меня ты в тишине.
Я тебя запомнил, мама, ненаглядной, молодою,
И твои родные руки не забыть вовеки мне.

Ежедневно, ежечасно вижу я тебя, родная,
Даже смерть сама не в силах у меня тебя отнять.
Камень в травах утопает, сердце горестно рыдает,
В день заветный ахирата,
мама, встретимся опять.

Печально я гляжу...

Печально я гляжу на это поколение,
На сердце тяжело, в душе таится грусть.
Способны ли они в грядущем безвременно
Заветы сохранить, продолжить предков путь?

Отравлены сейчас нездешних истин ядом,
Способна ль молодёжь свой дом родной хранить,
Достоинство семьи, обеты и обряды,
Чтоб в будущее шла преемственности нить?

Чтоб, хоть для красоты, им стены украшали
Папаха — дар отца, черкеска, и кинжал.
Что ждёт их впереди, коль навьк потеряли
И оседлать коня, и в поле плуг держать?!

Страшусь — из свадеб их уйдут, навеки сгинув,
Лезгинка и зурна, и барабана дробь.
Останутся ль тогда аулы на вершинах,
И горные пути к ним вековых дорог?

А если свой язык забудут и призванье,
То потеряют честь, тогда позор нас ждёт.
Что день грядущий нам готовит в назиданье,
И двадцать первый век, что по земле идёт?..

Не позабудь...

Земляк, не позабудь, тебя прошу я,
И горы, и места, откуда родом,
Родной язык, и нашу речь живую,
И самобытность горского народа.

Там к скалам прижимаются аулы,
Цветут леса и ширятся долины,
Там куропатки к мураве прильнули,
А в небе клёкот слышится орлиный.

Там на верандах — ласточкины гнёзда,
А в гнёздах тех птенцы кричат от счастья.
И там весь день на крыше сакли плоской,
Поёт пандур для девушки прекрасной.

Ночами звёзды в тёмном небе светят,
И на восход с надеждой смотрят горы.
И петухи расскажут на рассвете,
Что день грядущий нам готовит скоро.

Земляк, не позабудь, тебя прошу я,
Родной аул и речь свою родную...

Ни к чему...

Друг, бесполезна похвальба пустая,
Народ из нас любому знает цену.
И хвастуну цена здесь небольшая,
Лишь славных дел сокровище бесценно.

Ведь даже возраст мудрость не заменит,
Хоромы уваженья не прибавят.
Чины, богатство, власть — в одно мгновенье
Исчезнув, одного тебя оставят.

Будь милосерд и с бедным, и богатым,
И добрых дел оставь в наследство бремя.
Для старших сыном будь, для младших — братом,
И будешь чист и славен перед всеми.

Я не умер...

Я не умер, я ещё живой,
Умерло моё большое тело,
Вечною оставлено душой,
В глубине земной похолодело.

Я не умер, я ещё живой,
Жизнь и честь моя чисты поныне,

Имя прославляется молвой,
И гордятся мной мои родные.

Я не умер, я ещё живой,
Образ мой в людских сердцах остался,
Хоть могила заросла травой,
Я от мест родных не оторвался.

Я не умер, я ещё живой,
И для многих стал ещё дороже,
Был при жизни я с людьми простой,
На любого земляка похожий.

Я не умер, я ещё живой
Для аула и для джамаата,
И для всех, кто рядом был со мной,
Я живой, и это чувство свято.

Я не умер, я ещё живой,
У друзей в сердцах мой образ светит.
Дружба — это дар бесценный мой,
Будет пусть прославлена на свете!

Я не умер, я ещё живой,
Вы завету моему доверьтесь:
Жить в ладу с народом и с собой,
Чтобы быть живым и после смерти...

Переводы с аварского Ивана Голубничего

Антрагль

Родной Антрагль — союз семи земель,
Напев души и сердца колыбель,
Твои аулы — выше облаков
Гнездятся гордо как птенцы орлов.

Люблю тебя, свободный горный край,
Ты для души полёт, для горца — рай,
Твои ручьи чисты как горный снег,
Пусть долго-долго твой продлится век.

Здесь бережно хранят в своих сердцах
Всё то, что щедро даровал Аллах —
Заветы предков и родную речь,
Всё, что судьбой завещано сберечь.

Здесь людям цену знают по делам
И верят только праведным словам!
Я шлю салам вершинам этих гор,
Что для души моей дают простор.

Здесь старики как юноши бодры,
А юноши не по годам мудры,
Любовь к земле родной у них в крови,
Всегда на помощь смело их зови.

Перевод с аварского Мурада Ахмедова.

Магомед Магомедов*

Явные мысли о «Тайной тетради»

Магомед Бисавалиев — не новое имя для литературы и культуры Дагестана. На большую литературную сцену Магомед вышел в конце 1990-х, и с тех пор его имя хорошо знакомо дагестанскому читателю.

Недавно Магомед Бисавалиев предпринял очередное удачное «бегство в литературу». Он обрадовал читателей новой книгой — «Тайная тетрадь». Написанная интересно и талантливо, она представляет собой собрание уникального литературного, этнографического и краеведческого материала. Это итог большой, кропотливой и в то же время безумно интересной работы по изучению истории уходящей эпохи. Дневники автора, рассказы отца, детские воспоминания, семья, односельчане, легенды и предания, джинны и кавтары — для всех и всего нашлось место в рассказах, бережно отредактированных Светланой Анохиной.

Эту книгу я прочитал на одном дыхании: она держала меня и не отпускала много дольше, чем всё остальное чтение последних лет.

Первая часть книги посвящена детству автора, выросшего в селении Салда общества Джурмут. Повествование ведётся от имени автора, а рассказы — об окружавших его в детстве людях, об их характерах и поступках, об их эмоциях и чувствах. Они дают возможность читателю увидеть себя со стороны, оценить прекрасную пору своей жизни, найти гармонию и взаимосвязь с природой, сверстниками, взрослыми. Местами ироничные, заставляющие задумываться, они несут в себе кроме мягкой назидательности ещё и искристый смех, весёлую жизнерадостность, беззаботную оживлённость.

Его герои — целая галерея колоритных социальных типажей. Причём Магомед Бисавалиев не просто живописует их, а стремится высветить самую суть, прямо скажем, весьма необычных персонажей, разобраться в философии их существования.

* Магомед Магомедов — главный научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы,
доктор филологических наук, профессор.

Горский быт второй половины XX столетия изображён Магомедом Бисавалиевым без прикрас, с максимальным соблюдением элементов реализма. Автору удаётся убедить читателя в безусловной достоверности своего повествования, в котором переплетены быт и дух, жизнь и судьбы предков-горцев. Автор «Тайной тетради» совершает своё, уникальное путешествие «назад в детство», выпуская в свой мир читателя.

Во второй части «Тайной тетради» мы видим, как оживают рассказы отца о суровой горской жизни, о земляках, об их истории и традициях. Магомед Бисавалиев не просто записал за отцом, он пропустил эти истории через себя, через всю свою жизнь. Потому они поражают своей простотой и мелодичностью, а нормы морали и этикета горцев не выглядят назиданием, органично вплетаются в неспешное повествование о корнях и истоках своего рода, о природе, о любви к матери.

«Диалоги, рассказы и легенды» — на страницах этого раздела читатель встречается с бандитами в лесах Цора и в горах Антратля в годы лихолетья, с шайтанами и джиннами, с легендами древнего Джурмута.

Примеров, когда прозаические строки ярко показывают, что Магомед Бисавалиев всегда поэт, даже в прозе, у него предостаточно. Вот только один: «Когда приезжаю в Чорода и подхожу к дедушкиному давно заброшенному дому, мне слышатся те печальные мотивы его грузинских и азербайджанских песен. Будто дед лежит возле окна, ждёт нашего прихода и напевает... Но висячий замок на почерневшей от солнца и дождей двери отнимает надежды. И я, пытаясь скрыть наворачивающиеся слёзы, тороплюсь отдалиться от людей, чтобы не заметили посторонние, не поймут...».

Можно сказать, что основной пафос рассказов Магомеда Бисавалиева нацелен на духовное возрождение жизни горцев, на сохранение их вековых жизненных устоев — и против исторического беспамятства и забвения культурных традиций. Книга как бы вновь открывает забытую или почти неизвестную богатейшую духовную культуру горцев.

Магомеду Бисавалиеву интересны характеры людей, то, с какой самоотверженностью они выживают в тяжелейших горских условиях. Он не понаслышке знает жизнь горцев, на долю которых выпало много суровых испытаний. Им запечатлены уникальные судьбы людей и удивительные события, которыми так богат родной край. Рассказы, написанные лёгким слогом, лаконичны, правдивы, суровы, порой и трагичны, их герои запоминаются надолго.

Магомед Бисавалиев обладает удивительным чутьём языка, которое отражается в рассказах. О чём бы он ни заводил разговор, он никогда не остаётся отвлечённо-созерцательным. Каждый рассказ наполнен конкретным жизненным материалом. Чаще всего по форме это ёмкие портреты, в которых точно и рельефно схвачен определённый человеческий тип с его судьбой и характером. Как, например, в рассказе «Почему Хаджимурад боялся карахцев?», в образе Маралбека, который «был зажиточным крестьянином с отарами овец, собственной землёй в Цоре и в горах, человек тонкий и язвительный, ироничный и острый на язык, у которого на все случаи жизни были свои словечки и присказки».

Через такие жанровые сценки, зарисовки, обнажающие определённые социальные срезы человеческих судеб, Магомед Бисавалиев стремится воссоздать героический образ уходящей эпохи в её исторической протяжённости.

Автор не романтизирует горцев. Тем не менее, знакомясь с ним, мы окунаемся в пёстрый и подчас экзотичный, хотя и прекрасно узнаваемый мир, населённый людьми и шайтанами, орлами и джиннами.

В своих рассказах автору удаётся взять читателя за живое неожиданными ситуациями и сюжетными поворотами, неистощимой выдумкой, искромётным юмором, нередко превращающимся в хлёсткую сатиру, колоритными характерами-типажами, в которых преломляется несуразное наше нынешнее бытие.

Написанные ярко, увлекательно, динамично, с прекрасным знанием изображаемого материала, рассказы эти чем-то сродни энциклопедии горской жизни. Сосуществуя в одной материальной действительности, персонажи

писателя живут как бы в разных её слоях и измерениях. С одной стороны, это те, кто попирает закон и мораль, а с другой — люди, честно добывающие свой хлеб и живущие в ладах с совестью, каковых в книге всё же намного больше.

Книга иллюстрирована многочисленными рисунками, гравюрами и семейными фотографиями.

Анализируя книгу Магомеда Бисавалиева «Тайная тетрадь», можно прийти к любопытному выводу. Оказывается, всё, о чём автор с такой любовью пишет о своей малой Родине — селении Салда общества Джурмут, является для него состоянием души.

«Тайная тетрадь» стала новой вехой в творчестве Магомеда Бисавалиева, где писатель выходит уже на более высокий виток своего художественного развития. В самом общем виде «Тайная тетрадь» есть причудливо сплетённая из различных сюжетно-жанровых «лиан» притча о мозаичном мире. Книга многопланова, густо населена, охватывает самые разные, порой неожиданные, сферы жизни. Есть в ней и собеседники. Как пишет в предисловии Магомед Бисавалиев, «главный среди них — Исмаил из аула Салда общества Джурмут, мой ныне покойный отец. Его памяти и посвящаю я эту книгу. Но был ещё один собеседник... Этот собеседник — сам древний Джурмут, это он через нас всех, моего отца, тётю, моих старших сестёр, через моих родных, знакомых и через меня самого рассказывает о себе».

Необходимо отметить, что творчество Магомеда Бисавалиева несёт на себе отчётливые признаки высокой книжной культуры и подлинной художественной даровитости. Уверен, что автор книги «Тайная тетрадь» занял достойное место среди современных «открывателей Дагестана» своим талантом краеведа, удачно и мастерски передав уникальные и неповторимые особенности горного края.

Думаю, что здесь уместно добавить ещё несколько слов о Магомеде Бисавалиеве как о журналисте. Журналистика стала смыслом его жизни, он с удовольствием и творческой жадностью описывает современную жизнь людей, восхваляя тружеников, высмеивая недотёп и лентяев. Его талант не остался незамеченным особенно после выхода газеты «Миллат», которая принесла ему широкую журналистскую известность.

Именно журналистика как вид практической деятельности, в основе которой лежит констатация факта, сформировала в Магомеде Бисавалиеве приверженность реалистическому методу отображения действительности.

Выражение специфики национального самосознания народа является главным объектом осмысления журналиста. Магомед Бисавалиев обрёл в художественной публицистике и литературной критике новое поле для творчества. Литературная критика крайне фактологична, окрашена яркими журналистскими образами. Не без доли сарказма он оценивает современные события, с беспощадной смелостью высмеивает недостатки в общественно-политической жизни Дагестана.

Всё больше проявляющуюся в нём тягу к публицистике, навверное, можно объяснить тем, что именно она становится сегодня рупором общества и более востребована, чем художественная литература. Именно посредством публицистики писатель, публицист, литературный критик М. Бисавалиев находит общий язык со своим народом, ощущает свою важность и значимость. Публицистика всегда непосредственно связана с реалиями окружающей жизни, с культурной и литературной ситуацией.

Магомед Бисавалиев — человек многогранный и разноликий. Его талант проявляется и в журналистике, и в поэзии, и в прозе. Публицист и неординарный прозаик, Магомед Бисавалиев не ограничивается художественной литературой, он зарекомендовал себя также и как талантливый литературный критик.

Магомеда Бисавалиева, художника слова, прежде всего стоит охарактеризовать, как творца, желающего во всём добраться до сути вещей, узнать правду, понять её и осмыслить.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что книга «Тайная тетрадь» уже заняла своё достойное место в ряду прозаических произведений дагестанских авторов последних десятилетий.

“

**Живое, горячее, пульсирующее
поэтическое слово, прочувствованное
и прожитое молодыми исполнителями,
обжигает.**

стр. 51
